

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

М.Ю. Берёзкин

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА ПРИМЕРЕ КРЫМА**

ИД «Энергия»

Москва 2020

УДК 911:3
ББК 26.89
ISBN 978-598908-484-5

*Печатается по решению
Ученого совета географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Published by the decision of the Academic Council
of the Faculty of Geography Lomonosov Moscow State University*

Рецензенты:

Доктор географических наук, профессор Т.М. Красовская
Доктор географических наук Д.Л. Лопатников

Берёзкин М.Ю. Исторические типы природопользования на примере Крыма. – М.: ИД «ЭНЕРГИЯ», 2020. – 128 с.

Berezkin M. Yu. Historical types of nature management on the example of Crimea. – М.: Publishing House "Energia", 2019. – 128 p.

DOI: 10.5281/zenodo.3628183

Предлагаемая вниманию монография рассматривает такое междисциплинарное понятие как «исторические типы природопользования». Введение его позволяет рассматривать взаимосвязи в системе «природа-население-хозяйство» во времени, используя, при этом, конкретные исторические примеры изменения способов и приемов природопользования на примере Крыма. Издание предназначено для широкой аудитории, уделяющей внимание географии, истории, культуре, экологии, изучению природопользования.

The monograph considers such an interdisciplinary concept as «historical types of nature management». This term allows us to consider the relationship in the system «nature-population-economy» in time. Historical examples are used to change the ways and methods of nature management on the example of the Crimea. It is intended for a wide audience in the fields of geography, history, culture, ecology, nature management.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ... **4**

Глава 1. Природопользование как категория географического исследования ... **7**

Глава 2. Региональные культурно-исторические особенности генезиса природопользования ... **16**

Глава 3. Современные типы природопользования как результат индустриального этапа развития общества ... **27**

Глава 4. Этнокультурные и исторические особенности природопользования Крыма ... **41**

Глава 5. Природопользование после присоединения Крыма к России и в период начала индустриализации (конец XVIII – середина XX вв) ... **68**

Глава 6. Отраслевая и территориальная структура современных типов природопользования Крыма ... **86**

Глава 7. История водопользования Крыма ... **100**

Заключение ... **119**

Литература ... **121**

Автор отдает дань памяти и глубочайшее уважение своему учителю и научному руководителю Николаю Семеновичу Мироненко (1941-2014), Заслуженному профессору Московского университета, выдающемуся ученому в области экономической, социальной, политической и рекреационной географии и талантливому замечательному педагогу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экологические, как и экономические проблемы, зачастую, лежат не только в плоскости технологий, но имеют и гораздо более глубокие социально-культурные и исторические корни. Поэтому все больше внимания следует обращать вопросам гуманизации различных областей знаний, включая и естественнонаучную.

Область изучения природопользования не может ограничиваться только выявлением негативных антропогенных влияний на природную среду. В географических исследованиях уже давно наметилась тенденция к изучению сложных эколого-экономических систем с привлечением таких наук, как история, культурология, этнология (Котляков и др., 1999).

Введение такого понятия как «исторические типы природопользования» позволяет рассматривать взаимосвязи в системе «природа-население-хозяйство» во времени, используя, при этом, конкретные исторические примеры изменения способов и приемов природопользования на той или иной территории.

Исторические типы природопользования могут быть исследованы с помощью системного изучения определенной территории, в котором частные исследования специалистов в различных областях знаний подвергаются целенаправленному синтезу с использованием комплексной интегральной методологии.

Такие примеры уже были в истории географической науки. В 1920-30-х годах географические исследования тесно переплетались с антропологией, историей, этнографией (Р.М. Кабо, А.А. Крубер). Страноведческие работы выдающегося географа П.П. Семенова-Тян-Шанского явились такого же рода комплексными исследованиями. В 1950-х годах В.Н. Яцунским выполнялись работы по исторической географии (Историческая география ..., 1960). Насущна потребность междисциплинарных исследований в традиционно комплексных географических дисциплинах – страноведении и краеведении.

Н.Н. Баранский призывал увязать основные элементы страноведческой характеристики – природу, историю, культуру и хозяйство в один по возможности цельный, логически связанный комплекс. Следовательно, требуется приобщение не только к географии, но и к истории, культуре, этнографии выбранного объекта. Как отмечал выдающийся экономгеограф Н.С. Мироненко, научный географический синтез может быть достигнут через общегеографическое исследование конкретной территории, в котором суммируются не столько частные исследования различных специалистов, сколько принимаются во внимание целенаправленные наблюдения и специальные исследования географа комплексного профиля (страноведа) (Мироненко, 1993).

С точки зрения комплексного подхода к историческим типам природопользования, нельзя не учитывать и экологические последствия техногенного, индустриального развития

общества. Как выяснилось, выход из экологического кризиса в конце XX в, не представляется возможным исключительно в рамках технических знаний. Сама по себе техника ничего не решает. Все более очевидно становится то, чтобы вслед за техникой и другие элементы культуры, выработанные в результате социальной и этнической истории существования общества, стали бы объектом исследования.

Выбор Крыма, как объекта исследования связан с тем, что его уникальная история богата примерами различных способов и приемов природопользования, ярко отражающих разнообразие культурно-исторического развития народов, населявших его. Складывавшийся на протяжении многих исторических эпох, приспособленный к конкретным условиям географической среды традиционный экологический опыт и в наше время может быть полезен.

Следует востребовать опыт природопользования культур населявших ранее и населяющих в настоящее время Крым. Обобщение и осмысление такого опыта природопользования в Крыму должно стать неотъемлемой частью концепции регионального развития.

ГЛАВА 1

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Термин «природопользование» с 1970-х годов прочно закрепился в научной литературе. Правда, трактуется он достаточно широко: от отождествления природопользования со всем процессом общественного производства до системы наук об охране природы, от глобальных экологических проблем до действий по охране отдельных природных объектов, от представлений о природопользовании, связанных с деятельностью по использованию отдельных видов угодий (лесных, земельных и т. д.), до идентификации с понятием взаимодействия общества и природы.

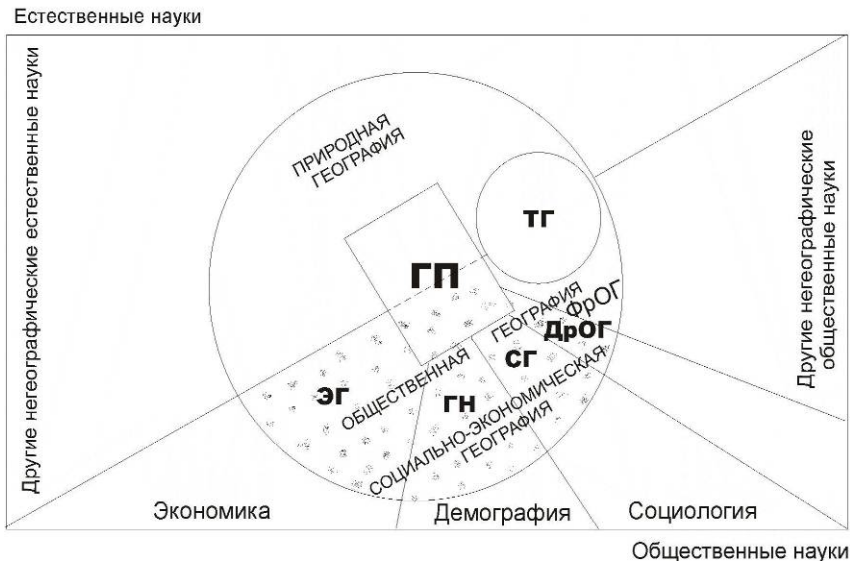
Широкое понимание этого термина не случайно. Оно сформировалось на том этапе социально-экономического развития, когда с обострением экологического кризиса выявилась ограниченность природного пространства, исчерпаемость доступных естественных ресурсов. Сложившаяся ситуация привела к необходимости разработки общих принципов осуществления всякой деятельности, связанной с использованием природой и ее ресурсами. Конечная цель этого – обеспечить единый подход к природе как к всеобщей основе труда. Именно в этом виде была поставлена задача природопользования как науки (Куражковский, 1969, с.6). В дальнейшем к понятию «природопользование»

стали подходить двояко. С одной стороны, как к научному направлению, базирующемуся на естественнонаучном знании и комплексе фундаментальных социально-экономических дисциплин. С другой стороны, как к чрезвычайно широкой практике использования природы человеком. Это привело к многочисленной и разнообразной рубрикации предмета природопользования (Реймерс, 1990, с. 5-6).

Позднее была предложена и более пространная дефиниция. Согласно ей под природопользованием следует понимать сферу общественно-производственной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человечества с помощью природных богатств (Географический энциклопедический словарь, 1988). Это привело к тому, что объектом природопользования как науки стал рассматриваться комплекс взаимоотношений между природными ресурсами, естественными условиями жизни общества и его социально-экономическим развитием, а предметом природопользования стала считаться оптимизация этих отношений (Реймерс, 1990, с. 405).

Но этого было еще мало для осознания «природопользования» как особого многофункционального объекта исследований. Понадобился длительный и достаточно трудный опыт науки и практики, чтобы понять необходимость знаний об эволюции, пространственных и временных закономерностях формирования природопользования, многообразии факторов, его определяющих.

Со временем стали отмечать важность подхода ко всем видам природопользования (землепользование, водопользование и т. д.) как к единству всей сферы взаимодействия общества и природы (Анучин, 1978, с. 214). Природопользование стали относить к общественно-географическим наукам, возникшим на стыке физической и экономической географии (Мересте, Ныммик, 1984, с. 141) (рис. 1).

ГП - география природопользования;

ТГ - теоретическая география;

ЭГ - экономическая география;

ГН - география населения;

СГ - социальная география;

ДрОГ - другие отрасли общественной географии;

ФрОГ - формирующиеся отрасли общественной географии.

Рис. 1. Принципиальная схема формирования социально-экономической географии и место в ней географии природопользования (Мересте, Ныммик, 1984, с. 144).

Получает признание то, что природопользование – это не только ведущая категория современной научной географии, но и ее наиболее актуальное теоретическое и практическое направление, которое включает исторические тренды совместного развития природы и общества, антропогенные нагруз-

ки на территорию, характер ее хозяйственной освоенности и заселенности. На природопользовании замыкаются важные направления землеведения, истории географии, географического ресурсоведения, географии хозяйства и населения, социальной и политической география (Машбиц, 1991, с. 19).

Из множества подходов и методов в области комплексного исследования, сопряженного с изучением природопользования (о части которых речь пойдет ниже), можно перечислить следующие:

- этнографический подход (Гумилев Л.Н.);
- концепция хозяйственно-культурных типов и их территориальных компонентов – историко-культурных областей (Чебоксаров Н.Н.);
- комплексно-страноведческий подход (Баранский Н.Н., Саушкин Ю.Г., Мироненко Н.С. и др.);
- культурологический подход, связанный с изучением традиционного опыта природопользования, социально-этнических механизмов выхода из возникавших кризисных состояний, закрепленных в обычаях, экофильном поведении, системе этических ценностей различных этнических культур (Кабо Р.М., Данилова Л.В. и др.);
- историко-экологический подход, рассматривающий механизм и историческую динамику экологических кризисов и связанных с ними изменений в окружающей среде (Бондарев Л.Г.)
- геоэкологический подход (Голубев Г.Н.)

С годами в комплексных географических исследованиях были выработаны представления о территориальных (региональных) системах «природа-население-хозяйство». Все больше получил признание тот факт, что триада «природа-население-хозяйство» являются элементами единой системы природопользования (Зворыкин, 1990). Такое понимание при-

родопользования стало плодотворным и для всей географии, и для изучения природопользования, в частности. Интуитивная комплексная традиция в географическом познании природопользования «генетически» связана с идеями В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, А. Гумбольдта, В.П. Семенова-Тянь-Шанского, А.И. Воейкова, В.И. Вернадского, К. Риттера, Л.С. Берга, Ю.Г. Саушкина, Н.Н. Баранского и многих других выдающихся ученых-географов. В вопросах природопользования специалисты с географической подготовкой традиционно профессионально ориентированы на системное познание пространственно-временной и внутренней структуры как природных, так и социально-экономических территориальных комплексов.

Создатель отечественного *страноведения* Н.Н. Баранский писал: «Географически мыслит тот, кто в достаточной мере привык обращать внимание на различия от места к месту не только по природным условиям, но и по историческим судьбам. Для такого рода исследований требуется приобщение не только к географии, но и к истории, культуре, этнографии выбранного объекта» (Баранский, 1928, с. 21). В страноведческих исследованиях природопользованию отводится роль важной сквозной линии комплексного страноведения. Главной задачей ставится создание целостной и, по возможности, более широкой по своему содержанию характеристики территории (Машбиц, 1998).

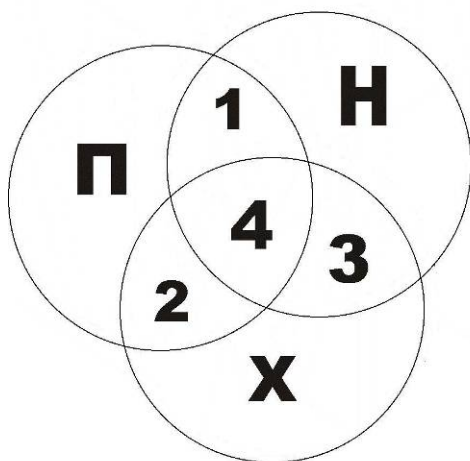
В таком случае общегеографические исследования конкретной территории должны быть не столько частными исследованиями различных специалистов-географов, сколько быть направленными на достижения научного географического синтеза с помощью целенаправленного наблюдения и специального исследования географа комплексного профиля (Методика..., 1993). Для этого требуется приобщение не

только к географии, но и к истории, культуре, этнографии выбранного объекта.

Для современной географии как никогда актуален общий тезис о необходимости единения естественного и общественного начал в физической и общественной ветвей географии, сформулированный в принципиальном виде Н.Н. Баранским еще в 30-е гг. XX в., активно поддержанный в последующем Ю.Г. Саушкиным, В.А. Анучиным, К.К. Марковым, И.М. Матергойзом и другими географами.

Тезис о необходимости географов с разносторонней подготовкой – и физико-географической, и эконом-географической – выдвигался еще в середине прошлого века (Саушкин, 1946). Но он до сих пор, фактически, не был реализован ни в теории, ни тем более на практике. Причина этого лежит в том, что представители двух географических наук – физической географии и экономической географии имеют, как правило, существенные недостатки своего профиля – физико-географы мало связаны с историческими и экономическими науками, изучение которых необходимо для познания истории развития общества, эконом-географы мало искушены в познании природной среды.

При всей широте употребления понятия природопользование, его можно рассматривать как совокупность сведений о территориальных закономерностях и локальных особенностях и взаимосвязях в развитии природы, хозяйства, населения. Природа является средой, хозяйство – это «технологические способы пользования ею», а население выступает в роли «практика освоения ресурсов своей среды» (Зворыкин, 1990).

П – природа

Н – население

Х – хозяйство

1 – экология расселения, медицинская география и др.

2 – ресурсоведение, природопользование (в узком понимании термина)

3 – социально-экономические аспекты комплексной географии

4 – учение о природопользовании (в широком понимании термина)

Рис. 2. Место природопользования в изучении взаимоотношений «природа-население-хозяйство» по В.С. Жекулину (География в системе наук, 1987, с. 43)

Между тем природопользование не только одна из сущностей бытия человека на Земле, но и комплексная наука. По мнению Ю.Н. Куражковского в дисциплине, называемой природопользование, решающим фактором является интегральность, т.е. рассмотрение с объединяющей точки зрения триады «население-природа-хозяйство» (Куражковский, 1969). Специалисты идут к ней разными путями. Со временем природопользование стали включать (наряду с геоэкологией и ресурсоведением) в одно из направлений комплексной географии. При этом природопользованию как науке отводилась

основная роль в изучении взаимоотношений между природой, населением и хозяйством (рис. 2).

По мнению ряда географов, характер природопользования, его «специализация» не является прямым следствием свойств той или иной территории, а представляет собой результат истории людей, географического разделения труда (Невяжский, 1994). При этом, природопользование – это многоуровневая система разнообразных естественных условий хозяйственной деятельности с теми или иными экологическими, экономическими и социальными результатами. Таким образом, в изучении природопользования следует учитывать не только природные и экологические факторы природопользования, но и те исторические, культурные, этнографические и даже политические, религиозные и другие особенности, определяющие взаимодействие человека и окружающей среды, которые, несомненно, сказываются на специфике природопользования территории.

В этом случае для изучения исторических типов природопользования чрезвычайно важен исторический подход. Известно, что география как наука самым тесным образом связана с историей. Физическая география немыслима без истории всей земной природы. Экономическая география немыслима без истории общества. Прошлое для географа всегда было и есть частью исследования, ключом к настоящему и будущему (Анучин, 1982). *Исторический подход* заключается в том, что все существующие в настоящее время особенности природы, образа жизни населения, его хозяйства, связанные с ними особенности природопользования можно полностью понять и объяснить, прослеживая и анализируя пути их формирования во времени. Такой подход в полной мере может раскрыть «генетический код» территориальной организации современных и исторических типов природопользования.

Исторический подход предполагает учет преемственности развития территории и всех слагающих ее элементов. Предусматривает учет историко-культурного развития территории для прогнозирования и формирования современных процессов, включая и политические. Это заставляет исследователя не только вникать в процессы формирования природопользования на конкретной территории, но и всемерно способствует изучению взаимной связи природы, хозяйства, населения и роли каждого из них в историческом становлении всех других (Герасимов, 1996, с.9).

ГЛАВА 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Одним из основных аспектов изучения природопользования является исследование отношений между человеком и природой. Вместе с тем в большинстве исследований рассматривают лишь воздействие человека на окружающую среду и взаимосвязь природных ресурсов и экономики, тогда как существует и другие стороны такого взаимодействия, такие как влияние природы на формирование культуры, экологические основы различных этносов, особенности их культуры природопользования. Это представляет собой самостоятельный интерес и чрезвычайно важно для теоретического обоснования концепции природопользования (Глазовский, 1988). Еще в конце XIX в. основатель *антропogeографии* немецкий ученый Ф. Ратцель ставил целью своего исследования изучение расселения в связи с различиями окружающей географической среды, а также складывающегося в процессе расселения образа жизни людей и хозяйства.

Изучение механизмов взаимодействия обществ, представляющих различные этнические культуры и находящихся на разных этапах социально-экономического развития, с окружающей средой как проблемное направление сформировалось

в 1950-х гг. в рамках американской школы *экологической этнографии*, или *культурной географии* (Дж. Стюарда, Л. Уайт, М. Салинс, А. Вайда, Р. Раппопорт и др.). Ключевым понятием в ней является «культурная адаптация», которая в самом общем плане обычно понимается как процесс приспособления общества к условиям среды и преобразования этой среды преимущественно в результате трудовой деятельности.

Одним из направлений экологической этнографии является *культурная экология*, основоположником которой считается Дж. Стюард. Задачу этой науки он видел в изучении влияния тех или иных технологий освоения природных ресурсов на прочие аспекты культуры (Steward, 1955). Каждая культура рассматривалась как особая система, эволюция которой определяется адаптацией к специфическим для каждой культуры природным условиям. Культурно-экологический подход в отличие, например, от *географического детерминизма* исследует окружающую среду не как совокупность всех природных особенностей территории, а с точки зрения используемых человеком ресурсов и условий (Козлов, Ямсков, 1989). Для изучения исторических типов природопользования важным из культурной экологии является положение о том, что для каждой культуры наличие природных ресурсов определяется не просто фактом физического существования на данной территории, но и суммой производственных знаний и навыков населения. Это, в конечном счете, находит отражение в культуре природопользования населения.

Хотя многие из культур-экологов в последние годы в значительной мере отошли от теорий Дж. Стюарда (в частности, избегают применения концепции стадийного развития общества), однако с некоторых пор считается почти общепризнанным, что на вопрос о том, каким образом в обществе возникают специфические модели его жизнедеятельности, легче всего ответить, если рассматривать культуру как систему социально обусловленного поведения, которое направлено на

приспособление общества к своей экологической нише (Лурье, 1998). Окружающая среда, общество и технология жизнеобеспечения рассматривается культур-экологами в качестве единой взаимосвязанной системы. Объектом изучения является не общество само по себе, а именно этот социально-природный комплекс (Spiro, 1987). Этот подход предполагает, что вся культура народа, не только материальная, непосредственно связанная с жизнеобеспечением, но и социальная, и духовная культура, пусть и не в полной мере, но детерминируется, организуется, структурируется под влиянием стратегии его жизнедеятельности, навыков природопользования.

Аналог культурной экологии возник в России в конце 1970-х гг. под названием *этническая экология*, которая трактовалась как «научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнодемографией и этнической антропологией» (Козлов, 1983). Так же как и в культурной экологии, в этнической экологии акцент делался на изучение адаптации человеческого общества к окружающей среде. Этноэкология стремится изучать этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т.е. представить их в виде сложной развивающейся системы.

По мнению ряда отечественных культурологов (Э.С. Маркарян, А.Я. Флиер, С.В. Лурье и др.), если культура – это специфическое средство человеческой адаптации, то механизм адаптации к биофизическому окружению путем его соответствующего преобразования – способ (технология) природопользования (Маркарян, 1983). Действительно, если рассматривать понятие культура как «возделанную» среду обитания людей, организованную посредством хозяйственной деятельности и насыщенную продуктами (результатами) этой дея-

тельности, то в глубинной своей сущности культура является специфически человеческим средством адаптации к окружающей среде и приспособления среды к потребностям общества, т. е. человек и его культура формировались во взаимоотношении с природой. Известно, что многие обычаи, нравы, способы природопользования различных этносов представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды.

Между тем, в географии взаимосвязь природы и культуры нашла свое отражение в концепции *культурного ландшафта*, начавшей разрабатываться в середине XX в. (Саушкин, 1946). В настоящее время под культурными ландшафтами понимается целостная, территориально-локальная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате действия природных процессов и жизнеобеспечивающей деятельности людей (Веденин, 1997). Для целей исследования исторических типов природопользования из концепции культурных ландшафтов в основном важны виды использования природной среды этническими культурами в процессе их исторического развития. Используя тезис «пространство Земли организует культуру, а культура организует пространство» (Веденин, 1997), можно утверждать: пространство, его природные условия формируют культуру природопользования в процессе культуро- и этногенеза, являясь подчиняющимся, а уже сложившаяся культура («*традиционное природопользование*») организует пространство, выступая в роли подчиняемого. Культура, в таком случае, является средством хозяйственной, природопользовательской адаптации к окружающей среде и приспособления среды к потребностям общества.

Взаимосвязь ландшафта и этноса является основополагающей в концепции *этногенеза* Л.Н. Гумилева. Он рассматривал этногенез как приспособительную реакцию человеческой популяции к определенной экологической нише. Этнос — продукт ландшафта. Связь между ними осуществляется через активную производственную деятельность, через приспособление этноса к условиям ландшафта. Поэтому разнообразие этносов и типов природопользования обусловлено пестротой ландшафтов. Адаптация к ландшафту – всеобщее свойство биосферы (Гумилев, 1993, с. 268).

Проблема взаимоотношения природы и общества, история культуры природопользования исследуется в рамках концепции *социоестественной истории* (СЕИ). В ней рассматривается возникновение прямых и обратных связей между природой и обществом в процессе хозяйственной деятельности людей. Поэтому главные «действующие лица» СЕИ – Человек Хозяйствующий, а географическим, жизненным пространством деятельности человека выступает Вмещающий Ландшафт (Кульпин, 1995).

На стадии становления различных человеческих сообществ или этногенеза именно природа оказывает непосредственное влияние на ведение хозяйства, на представления о мире, мифологию и фольклор, на быт, одежду, питание, жилище и другие особенности образа жизни населения. Характер хозяйственной деятельности, повседневный быт и весь образ жизни на этом этапе были подчинены природным условиям, циклам. Доскональное знание среды обитания – ее ландшафтов, погодно-климатических условий и закономерностей смены сезонов, ресурсов растительного и животного мира, состояния почв и водных источников, подстерегающих человека опасностей являлось непреложным условием адаптации этноса к природным условиям (Общество и природа, 1981).

Обычаи и традиции не могли существовать без того, чтобы они не передавались от поколения к поколению. Для этого требовалось формирование системы этно-хозяйственных ценностей, основанных на историческом и социальном опыте коллективной жизнедеятельности членов этноса. В результате длительной коэволюции социально-хозяйственной жизни и природной среды архаичные сообщества (или, как еще их называют, «непрогрессивные», «внеисторические») приобретают определенную инерционность. Такие общества, изолированные от более развитых соседей, действительно могут на протяжении длительного времени поддерживать стабильные взаимоотношения со средой – сохранять постоянную численность населения и не вызывать необратимых изменений в освоенных ландшафтах. Но, по мнению некоторых исследователей, считается ошибочным возводить факты подобного рода в абсолютный закон взаимодействия доиндустриального общества с природной средой и тем более распространять эти выводы на более развитые культуры (Bennett, 1976).

Бережное отношение к природной среде, или экофильное поведение, в природопользовании прошлого формировалось на протяжении тысячелетий в условиях адаптации к природной среде и представляет собой механизм коэволюционного развития общества и природы. При этом, экофильное мировоззрение вряд ли изначально было присуще человеку. Экологический опыт накапливался постепенно, ценой проб и ошибок (Баландин, Бондарев, 1984). Для успешной этнокультурной адаптации к условиям природной среды требовался длительный период существования группы населения, являющейся носителем определенного культурного комплекса на освоенной ею территории. Только в этом случае могли возникнуть регламентированные по отношению к природе

обычаи и традиции, которые стали выступать средством гармонизации отношений человека и природы (Ямсков, 1991).

Для понимания значимости природных условий на ранних стадиях этногенеза и в складывании исторических типов природопользования, существенную роль играют *этнографические исследования*. Между этнографией как наукой, изучающей происхождение народов, их культуру, быт, занятия, с одной стороны, и географией, как наукой, изучающей природную среду, в которой живут этносы (*физическая география*), а также особенности территориального размещения их хозяйств и поселений (*социально-экономическая география*), с другой стороны, издавна существовали крепкие связи (Козлов, Поксишевский, 1973). Вплоть до середины XIX в. они существовали даже слитно, образуя науку, которую называли «*природонародоведением*» (Бромлей, 1981).

В зоне перекрытия этнографии и географии в 1920-х годах делались попытки создания особой дисциплины – *этногеографии*, в рамках которой рассматривались связи между этническими общностями людей и природной средой их обитания (Крубер, 1922; Богораз-Тан, 1928). Однако такие попытки не получили должной поддержки и были осуждены за содержащиеся якобы в них идеи вульгарного географического детерминизма.

Новое сближение в рамках этнической географии между этнографией и географией наметилось в конце 1940-х - начале 1950-х гг., причем оно происходило с обеих сторон и шло по двум близким направлениям (Кабо, 1947). В задачи ее входило изучение географического размещения народов (этнических общностей), изучение особенностей их расселения и территориального взаимоотношения с другими народами. При этом учитываются характер расселения (например, осед-

лое и кочевое), формы и типы поселений, степень освоенности территории и картина плотности населения (Брук и др., 1963).

Еще одним примером географического контекста в этнографии может служить дуалистическая теория этноса известного этнографа Ю.В. Бромлея. Исходная идея данной теории заключается в том, что этносы сочетают в себе, с одной стороны, свойства самоидентификация (язык, обряды, самосознание), а с другой стороны, те характеристики, которые рассматриваются в качестве условий формирования и существования этноса (преимущественно природно-географо-территориальные), т.е. генетически несут в себе географические свойства территории (Бромлей, 1988).

Другой путь сближения этнографии с географией в отечественной науке наметился в начале 1950-х годов с появлением концепции *хозяйственно-культурных типов (ХКТ)*. Под ними подразумевались исторически сложившиеся черты хозяйства и культуры, которые характерны для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных природных условиях. Например, типы «скотоводов сухих степей и полупустынь» и т.п. (Левин, Чебоксаров, 1955). Это направление близко к культурной экологии Дж. Стюарда. Концепция ХКТ раскрывает культурную дифференциацию человечества вследствие неоднородности физико-географических условий, которые приводят к различным результатам культурной адаптации, т.е. появлению разных ХКТ. В тоже время концепция ХКТ касается, главным образом, описания неиндустриальных народов и не идет дальше средних веков (Ямсков, 2003). Отличительной особенностью ее является подчеркивание исключительной зависимости хозяйственно-культурной типологии от условий географической среды. В то же время вопрос о происхожде-

нии, появлении и исторической судьбе этноса отодвигается на второй план (Этнология, 2015).

С появлением ранних цивилизаций, с вовлечением части этносов в процесс региональных исторических изменений, возрастало значение хозяйственной адаптации этнических сообществ к новым историческим условиям их существования. На этом этапе не столько природные условия, сколько укоренившиеся этнокультурные традиции хозяйствования населения оказывают определяющее влияние на характер природопользования. Перемещаясь в процессе исторических изменений из своего «месторазвития» (в гумилевском понимании термина) на другую территорию, этнос приносил туда и свою систему хозяйствования, которая могла иметь как экофильный, так экофобный характер природопользования.

Так, например, происходило в Степном Крыму во времена Великого переселения народов, когда кочевой тип природопользования тюркских племен вытеснил земледельческий тип природопользования скифов-пахарей. Это привело к хозяйственному запустению территории на многие столетия. Что-то подобное происходило и в XIX в., когда природопользование русских землепашцев вытеснило скотоводческо-кочевое природопользование степных ногайцев. В любом случае эти изменения имели как для природы Крыма, так и для самих этносов те или иные экологические последствия.

Таким образом, **исторические типы природопользования** – это исторически сложившиеся способы использования территории и ведения хозяйства, выработанные этносами в процессе хозяйственной адаптации к природным условиям территории или принесенные этносами на осваиваемую ими территорию.

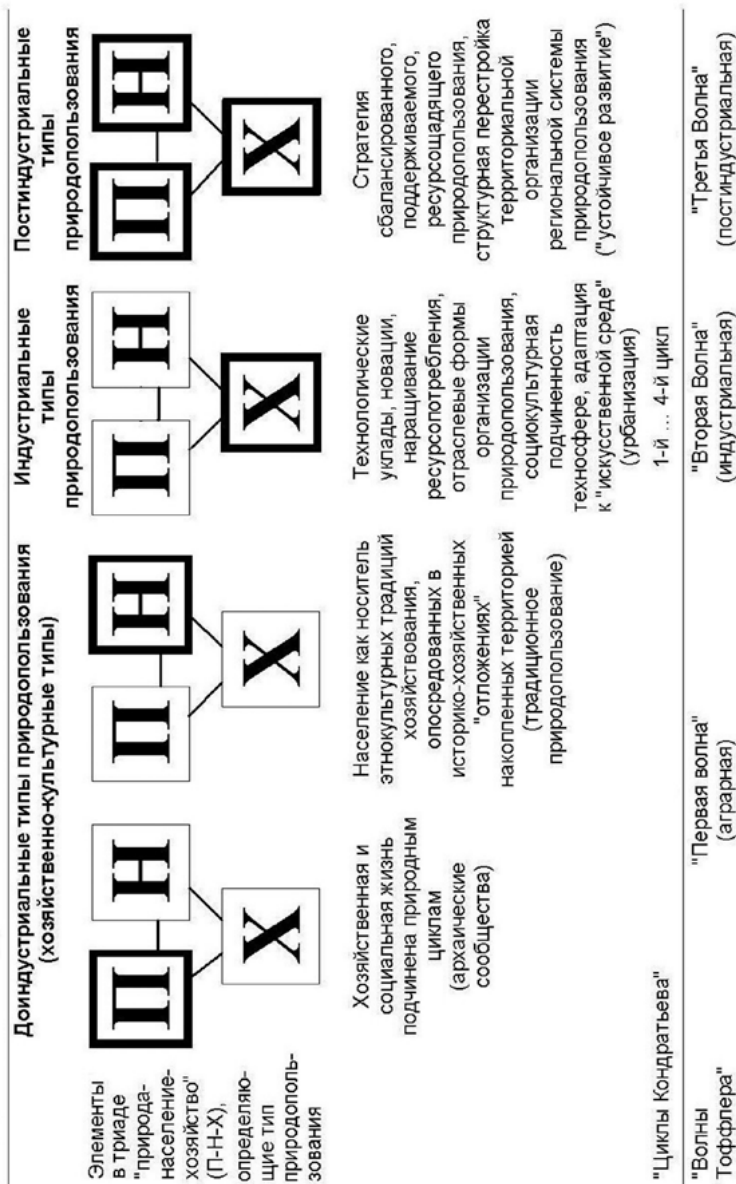

Рис. 3. Типы природопользования в зависимости от приоритетов в триаде «природа-население-хозяйство».

Важной задачей в изучении исторических типов природопользования является **эколого-экономическая оценка** различных типов природопользования – *это оценка, основанная на анализе влияния хозяйственной деятельности на природную среду и экономических последствий экологических изменений – на общество*. Такая оценка не может быть полной без исследования природного капитала и его изменений.

В таком случае рассматриваются и оцениваются экологические, экономические и социальные аспекты природопользования за историческое время. Причем, если «экологическая» составляющая такой оценки направлена на изучение и сравнение адаптации этнического сообщества к природной среде существования, то «экономическая» – на хозяйственную адаптацию к социально-экономическим изменениям в процессе культурно-исторического развития территории.

Особое значение в изучении исторических типов природопользования имеет динамический подход – рассматривание хода развития природопользования во времени: незначимое сейчас, со временем может стать ценным и, наоборот, потерять былую оценку.

Такая эколого-экономическая оценка всегда исторична. Только в сопоставлении с оценкой истории природопользования территории можно разработать критерии ее дальнейшего развития и использования. Поэтому все большую актуальность, особенно в регионах старого освоения, таких как Крым, приобретает проблема оптимального использования и сохранения природных качеств территории для возможностей дальнейшего поиска путей эффективного, сбалансированного природопользования в рамках системы «природа-население-хозяйство» (рис. 3).

ГЛАВА 3

СОВРЕМЕННЫЕ ТИПЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Природопользование в доиндустриальную эпоху представляло собой достаточно целостное явление, увязывающее разнообразную хозяйственную деятельность в один комплекс, подчиненный хозяйственно-культурным традициям того или иного этноса. Такое понимание нашло отражение в термине «традиционное природопользование». С вступлением общества на индустриальный путь развития, в процессе общественного разделения труда и вовлечения в использование все новых видов ресурсов природопользование становится разрозненным, расщепленным. При индустриальном укладе трудовая деятельность оказывается узкоспециализированной. В таком случае типы природо-пользования начинают формироваться в рамках отдельных отраслей хозяйства, зачастую не связанных между собой. Хозяйственной и природопольвательской деятельности все более становятся присущи черты «экономизма» (Булгаков, 1993, с. 293).

При этом индустриальное общество продолжало нести наследие этнокультурных традиций. Оно во многом явилось по-

рождением западной культуры хозяйствования. С началом капиталистических отношений и после Первой Промышленной революции в Западной Европе индустриальное общество формировалось в ходе органического развития своих собственных, социально-экономических и духовных предпосылок в рамках римско-христианской цивилизации, прошло через эпоху Возрождения, Реформацию и Просвещение.

Культурные предпосылки генезиса капиталистического хозяйства и предпринимательства подробно рассмотрены в работах М. Вебера и В. Зомбарта. Эти мыслители раскрыли с различных мировоззренческих, и методологических позиций специфику экономической и социокультурной системы западного капиталистического общества на рубеже XIX – XX вв. (Вебер, 1990; Зомбарт, 1994). М. Вебер, в частности, отмечал прежде всего тот факт, что феномен капиталистического предпринимательства является уникальным явлением, которому соответствует определенный тип личности и определенная социокультурная среда. Капиталистический предприниматель ориентирован на производство ради прибыли, а не ради удовлетворения потребностей. Причиной этого были изменения в сфере этики и религии, того, что М. Вебер назвал «духом капитализма». Исторически капитализм зародился не как экономическая система, но как этическая и религиозная по происхождению аскеза (по Веберу).

Пройдя путь социальной перестройки под хозяйствование капиталистического типа, Запад заложил основы индустриального общества. Если подходить к Первой Промышленной революции, как положившей начало индустриальному развитию, то мы встречаемся с моментом величайшего перелома, когда технические нововведения становятся осмысленным и осознанным, планируемым и управляемым, изобретаемым и воспроизводимым инструментом развития. Успехи в области

техники, последовавшие за промышленной революцией в Европе, привели к тому, что общественное развитие стало связываться со стремлением решать любые возникающие проблемы, прежде всего технократическим путем. Организуя, формируя и ускоряя развитие других элементов культуры техника замыкала их на себя, навязывала им решения, которые сама порождала и распространяла.

Техника стала существеннейшим элементом хозяйственного процесса и одной из его важнейших целей. Культ техники готовился на протяжении ряда столетий. Французские материалисты XVIII в. сулили обществу и господство над природой, и материальное благополучие, и здоровое существование и т. д., если оно возьмет на вооружение формулу «знание-сила», познает законы природы и материализует их в разнообразных машинах. Машина стала идолом для европейских мыслителей. В трудах философов Ф.Бэкона, Р.Декарта и других мыслителей постепенно выкристаллизовывавшаяся идея прогресса все отчетливее отражала деятельную надежду на лучшее будущее, которое зиждилось на рациональной основе, ибо представляло собой спланированную последовательность усилий, позволяющих его достигнуть. Следовательно, это будущее было планируемым и, тем самым, потенциально управляемым. С возникновением машинной индустрии этот процесс получил существенное ускорение. Капиталистическое промышленное производство стало, таким образом, первым сознательно создаваемый и управляемым инструментом развития общества и культуры.

Стремительное и неудержимое усиление влияния технических решений на все стороны жизни в конце XVIII в. - первой половине XIX в. современниками воспринималось как несомненное торжество и окончательно завоевание и приоритет материальной основы развития. По опыту и подобию техно-

сферы стремились организовать и другие сферы жизнедеятельности общества. «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить ее образ под влиянием предмета своей любви. И все, что происходит с миром, питает эту новую веру человека. Человек жаждал чуда для веры, и ему казалось, что чудеса прекратились, и вот техника производит настоящие чудеса» (Бердяев, 1989, с.151). Под мощным напором быстро развивающейся техносферы многие философские и мировоззренческие концепции сделали резкий крен в сторону самого вульгарного материализма. При этом вина за столь одностороннюю интерпретацию процесса развития в первую очередь возлагалась на марксизм. Поставленные в центр этого учения материалистическое понимание истории и ведущая роль прогресса производительных сил общества свидетельствует о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс находились под сильным впечатлением промышленного переворота и вызванного им подъема крупной машинной индустрии. Промышленная революция надолго фактически отождествила исторический процесс с понятием технического развития и прогресса. У Маркса прогресс — это рост производительных сил общества и смена общественно-экономических формаций. В конечном счете теория общественно-экономических формаций, разработанная К.Марксом, является осмыслением становления техногенной цивилизации в условиях XIX в. Впрочем, позже Ф.Энгельс в «Диалектике природы» признавался: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит...» (Энгельс, 1961, с. 495).

Феномен техники можно рассматривать и с точки зрения все той же адаптации. Вторая, или так называемая «искусственная природа», порожденная индустриальной экономикой, в свою очередь оказывает влияние как на экономические

структуры, так и на духовную жизнь общества в виде урбанизированной, по сути своей оторванной от природных условий, среды. В триаде «природа-население-хозяйство» уже хозяйство выступает адаптивно-адаптирующим приоритетом в социальной жизни общества.

Наряду с формационной (Маркс) и цивилизационной (Ясперс, Тойнби) периодизацией историей, стали выделять три стадии («волны Тоффлера») – аграрная, индустриальная, постиндустриальная. Наиболее адекватно индустриальная стадия описывается «циклами Кондратьева» с выделением 4-х технологических укладов (Кондратьев, 1993).

Стремление решать любые возникающие проблемы прежде всего путем создания и распространения новой техники, сведение всего разнообразия форм человеческой деятельности к выработке и реализации технических решений порождало технократическую иллюзию общественного прогресса. При этом парадокс заключается в том, что индустриальные страны, наращивая потребление конечных и быстро исчерпываемых запасов природных ископаемых, ещё больше оказались зависимы от природы, её ресурсов, чем доиндустриальные общества. Общество стало и служанкой, и заложницей техники (Булгаков, 1993, с. 299). По мере развития техники и овладения «тайнами природы» человеческое общество приобретает все более и более мощные средства для «борьбы с природой». При этом, однако, нельзя забывать, что «борьба с природой» в научном ее понимании есть не «выскакивание из природы», не «освобождение от природы», а лишь использование природы, и что в силу этого с прогрессом техники уменьшается лишь «порабощенность человека природой», но отнюдь не «зависимость человека от природы»: чем полнее и всестороннее используются человеком силы природы, тем

шире и сложнее становится зависимость человека от природы (Баранский, 1980).

В условиях растущего территориального и общественного разделения труда, превалирования отраслевой системы управления характер природопользования определялся отдельными центрами управления, что приводило к вступлению в противоречие одних видов (типов) природопользования с другими (Приваловская, Рунова, 1987).

Из-за «запрограммированности» индустриального общества на экономический рост целью природопользования стала сверхэксплуатация природных ресурсов без учета экологических ограничений. Если в доиндустриальное время общество стремилось получать прямые вопросы практически из всех сфер бытия, то при индустриальном развитии почти все они стали опосредоваться или транслироваться через технику. Это привело к катастрофической деградации гуманитарных знаний. Наблюдаемые сегодня экологические и многие другие проявления общего кризиса современной культуры — это кризис техногенной парадигмы развития.

В последние десятилетия индустриальные методы хозяйствования и природопользования в основном из-за экологических проблем, связанных с загрязнением и деградацией природной среды, из-за роста промышленных предприятий, обнаруживают все возрастающую несостоятельность. К этому добавились проблемы ограничения энергетических ресурсов, с которыми столкнулись развитые индустриальные страны после нефтяного кризиса 1970-х гг. После него стало очевидно, что дальнейший безудержный рост потребления энергии и ресурсов невозможен. Темпы роста индустриальных отраслей производства, ставших наиболее чувствительными к ресурсным ограничениям, замедлились.

Несмотря на свои технические достижения индустриальное общество не сумело в течение более или менее продолжительного времени поддерживать рациональную организацию своего хозяйства. Своей деятельностью, незнанием правил обращения с окружающей средой оно снизило потенциал развития. Невозможно стало считать рациональной в какой бы то ни было степени организацию индустриального общества, поскольку в первую очередь именно оно нарушило гармонию во взаимодействиях общества и природы, породив масштабный экологический кризис.

Требовалось изменение всей парадигмы развития. На смену индустриальной модели общества должны были прийти новые или быть востребованы другие ориентиры, системы ценностей, сформированные в иной, уже постиндустриальной (отличной от индустриальной) среде. Появилась необходимость в смене приоритетов, коренным образом меняющих характер взаимоотношения общества и природы, системы природопользования, в том числе и в развитии территориальной организации природопользования (Лопатников, 2006).

Постиндустриальное развитие, о котором сегодня много говорят социологи, философы и футурологи, не является простым продолжением техногенной цивилизации. Его, скорее, следует интерпретировать как начало нового, исторически третьего этапа цивилизационного развития по отношению к аграрному и техногенному (Тоффлер, 2004). Ценности, которые развила техногенная цивилизация: потребительское отношение к природе, идеалы господства над ней, идеал деятельности, основанной на силовом, насильственном преобразовании, и т. п., – должны были измениться.

Это нашло отражение в процессах структурных и территориальных изменениях организации производства, при кото-

ром индустриальные факторы производства отходят на задний план.

На стыке тысячелетий, ориентированный на высокую энерго- и ресурсоемкость, индустриальный уклад сменяется процессом дематериализации экономики. Благодаря развитию компьютеризированных, информационных технологических систем повышается маневренность и управляемость предприятий, сокращается производственная цепочка. Эти перемены ознаменовали переход от крупномашинного, массового производства однотипной продукции к системе гибких, автономных технологий. Это ведет к децентрализации, демассификации, фрагментации производства. Массовость начинает заменяться раздробленностью. Повышается автономность в производстве и в жизни. Иерархически многоступенчатые производства, уступают место специализированным, ориентированным на фрагментарное производство предприятиям.

Идет процесс деиндустриализации городских поселений: структурная и пространственная перестройка хозяйства индустриальных стран привела к изменению соотношения процессов территориальной концентрации и деконцентрации общественной деятельности. Процесс концентрации населения и хозяйства меняется на обратный. Опережающими темпами, в сравнении с агломерациями, в странах Северной Америки и Европы стало расти население внеагломерированных территорий, прежде всего малых городов и сельской местности. Этому способствовал и процесс территориальной дисперсии производства в результате децентрализации и деиндустриализации экономики.

Когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в техногенном, индустриальном обществе, и как следствие — об адекватности его мировоз-

зренческой ориентации и идеалов. В современной ситуации формируется новое видение природной среды, с которой человек взаимодействует в своей деятельности. Она начинает рассматриваться не как конгломерат изолированных объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, изменение которого может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, способное вызвать необратимое разрушение целостной системы (Степин, 2000). В современной культуре все более отчетливо формируются контуры нового взгляда на мир, который предполагает идею взаимосвязи и гармонического отношения между человеком и природой, составляющими единое целостное образование.

«Спрос на экологию» из способа выживания в загрязненной промышленными выбросами природной среде со временем преобразуется в элемент социально-общественной жизни. Отличие условий жизни постиндустриального общества от условий классического индустриального оказываются ничуть не меньше, чем последние отличались от условий, сложившихся в доиндустриальную эпоху (Иноземцев, 1999).

Так, в настоящее время «устойчивое развитие» (или правильной было бы сказать: поддерживающее, сбалансированное развитие) понимается не как экспоненциальный рост производства, а как структурная перестройка экономики, оптимизация территориальной организации региональных систем природопользования, социальная стабилизация жизнедеятельности населения страны и региона. В понимании устойчивого (сбалансированного) развития признается равнозначность экологического, социального и экономического критериев при определении целей и стратегии развития. В основу региональной стратегии устойчивого развития провозглаша-

ется положить принцип региональной индивидуальности, взаимосвязанности и взаимообусловленности элементов триады «природа-население-хозяйство» (Котляков и др., 1997).

В таком случае, для эколого-экономической оценки регионального природопользования необходимо проведение соподчиненного комплексного многофакторного территориального анализа. Особенность данного вида оценки определяется его интегральным характером, экологическим и историческим подходами к анализу историко-культурной, социально-экономической и природной среды.

Как часть системы «природа-хозяйство-население» территория требует всестороннего анализа и оценки. Хозяйственное использование территории – это результат ее вовлечения в хозяйственную деятельность общества, отражающийся, в конечном итоге, в способах и приемах природопользования. Свойства самой территории определяются, с одной стороны, ее принадлежностью к каким-либо типологическим единицам (тип ландшафта), с другой стороны, индивидуальными особенностями, вытекающими из ее местоположения, истории освоения, т.е. каждая территория сочетает в себе и типические, и индивидуальные свойства.

Природопользование стало рассматриваться не как отдельная функциональная система хозяйства, а как определенный социокультурный процесс пользования природными ресурсами и экологическими средообразующими услугами геосистем, отличающихся пространственным разнообразием. Таким образом, природопользование как географическая наука анализирует территориальные особенности этого процесса (Красовская, Слипичук, 2016).

Согласно Научной школы рационального природопользования современное природопользование – это междисципли-

нарное научное направление, исследующее общие закономерности использования обществом природных условий и ресурсов, а также воздействие человека на окружающую природную среду и последствий этих воздействий (Географические научные ..., 2008).

В современную эпоху не только в вопросах изучения природопользования и географии в целом, но и в других науках намечились радикальные изменения в научных подходах изучения действительности. Речь идет о формировании новой парадигмы научного знания, сближающей естественные и гуманитарные науки, которая суммирована в понятиях «постнеклассическая наука» или «новая рациональность» (Степин, 2011).

В концепции «постнеклассической науки» все больше внимания уделяется междисциплинарным и проблемно-ориентированным формам исследовательской деятельности. Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося, изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной специализации, то специфику современной науки на стыке XX и XXI вв. определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знаний.

Такое направление в природопользовании может быть реализовано в русле современной концепции глобального (универсального) эволюционизма, представляющего собой соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. Она устанавливает связь между неживой, живой и социальной материями (Моисеев, 1993). Идеи системности (целостности) и мира, и научного знания о нем, общности закономерностей развития объектов всех уровней материальной и духовной организации, нелинейности (многовариантности и необратимо-

сти) лежат в основе синергетики, которая создает новый образ мира и изучает системы, обменивающиеся веществом и энергией с внешней средой. Эти системы «несут» в себе бифуркацию, т. е. дилемму выбора (Пригожин, Стенгерс, 2001).

В настоящее время с нарастанием в современном мире на всех уровнях разнообразия и неоднозначности, встает задача синтеза, возрождения целостного и многостороннего взгляда на мир, на историю. Возникает необходимость в модификации формационной модели истории, отхода от примитивного социологизма, присущего научным теориям индустриальной эпохи. Существенным становится действие экологических ограничителей экономического роста. Наметилась экологизация общественного сознания, начинается новый виток коэволюции общества и природы (Кришюнас, 1989).

Со вступлением в полосу перелома заметен рост значимости как культурного, так и географического факторов в определении будущего развития. Все сильнее становится роль внеэкономических факторов развития общества, ценностных предпочтений, делающих невозможной универсализацию современной экономической культуры. В связи с общим переосмыслением картины мира, разработкой концепции «устойчивого развития» в настоящее время происходит гуманизация понятия рациональности применительно к природопользованию (Новиков, 1995).

В постиндустриальном обществе на первое место выходит нравственный управленческий аттрактор, связанный с блоком «население». Об этом пишут не только российские ученые – Н.Н.Моисеев, Н.Ф.Глазовский, С.М.Мягков, но и такие апологеты западной экономической мысли, как Г.Дейли, Д.Кейнси, признающие, что конечной целью развития являются вещи, выходящие за пределы материального.

Попытка разработать всеобъемлемого нормативного управления качеством окружающей среды и природопользованием недостаточно. Необходимо понимание множественности рациональности природопользования, присущих различным эпохам и этнокультурным общностям. Только пытаясь понять и признать самоценность традиций прошлого можно реализовать идеи устойчивого развития территории (Фоменко, 1997).

Речь должна идти не только о новых подходах в представлении о коэволюции природы и общества, которые формируются в недрах постиндустриального общества в связи с осмыслением современных глобальных проблем, но и о соответствии этих представлений принципам, заложенным в традиционном природопользовании прошлых, доиндустриальных эпох. Традиция в природопользовании вырабатывается на основе эмпирического опыта многих поколений. В ней суммируется стихийно осмысленный в процессе многовековой практики обширный массив сведений прикладного толка, которые зачастую превосходят по достоверности и ценности знания научного характера (Пуляркин, Аксенова, 1997).

Конечно, не стоит буквально подходить к историческому опыту природопользования прошлого, обладающего другим уровнем развития той же техники. Но на культуру природопользования, связанную с требованием этического и экологического регулирования познавательной и технологической деятельности людей следует обращать пристальное внимание. В этом, более глубоком смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития.

В конце XX в., когда человечество оказалось перед проблемой выбора новых стратегий выживания, многие идеи, разработанные в традиционных культурах, согласуются с

возникающими в процессе постиндустриального развития новыми культурными ценностями и мировоззренческими смыслами, которые формировались в разных культурах. Поэтому, основная проблема изучения природопользования на современном этапе развития – это обобщение исторического опыта в этой сфере и выработка принципов, позволяющих не разрушать хозяйственной деятельностью природные ресурсы территории.

ГЛАВА 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМА

Использование территории человеком – это результат ее вовлечения в хозяйственную деятельность, отражающийся, в конечном итоге, в способах и приемах природопользования. Свойства самой территории определяются, с одной стороны, ее принадлежностью к каким-либо типологическим единицам (тип ландшафта), с другой стороны, индивидуальными особенностями, вытекающими из ее местоположения, истории освоения, т. е. каждая территория сочетает в себе и типические, и индивидуальные свойства.

Многообразие природных условий и форм использования территории напрямую связано с разнообразием типов природопользования. При этом в процессе культурно-исторического развития территории тот или иной тип природопользования отражает дифференциацию его географических условий. Заселение и освоение Крыма, формирование этнокультурных особенностей его территорий происходило во многом за счет исключительных природных условий Крыма, благоприятных для жизни и хозяйственной деятельности человека. Основными физико-географическими районами Кры-

ма являются северный равнинно-степной и южный горно-лесной. Как переходный между ними можно выделить еще один район – предгорный лесостепной. А с учетом исключительно изолированности Крымскими горами и своеобразных климатических условий – южнобережный субтропический. Каждый из них обладает своим своеобразным сочетанием ландшафтов, климата. Каждый из них был месторазвитием или автохтонных этносов или же заселялся и осваивался этносами с учетом имманентно присущих им культурно-исторических традиций природопользования. Одни народы – осваивали степь, другие – горы или предгорья, третьи – морское побережье.

Низменная равнина северного Крыма постепенно от Перекопского перешейка к югу повышается от уровня моря лишь на 200 м. Плоская, однообразная степь северного Крыма к югу переходит в предгорья с мягким волнистым рельефом. Предгорный Крым состоит из двух гряд: Внутренней и Внешней, разделенных продольной долиной. Северные склоны Внешней гряды заняты лесостепью, где лето менее знойное, чем в степи. Крымская лесостепь стала местообитанием древнего человека, здесь располагались крупные города прошлого и настоящего, в том числе столицы Скифии (Неаполь), княжества Феодоро (Мангуп), Крымского ханства (Солхат, Бахчисарай), Таврической губернии (Симферополь).

Особенность Внутренней горной гряды – наличие труднодоступных плато – столовых гор с круто обрывающимися южными склонами, что в прошлом могло служить идеальным местом для создания оборонительных сооружений, естественной защитой от внешнего врага. Большое значение для заселения нагорья имели и водные источники, имеющиеся здесь благодаря мягким мергелям, подстилающим толщу известняков. Основная масса водных источников, дающая начало мно-

гочисленным рекам и ручьям, располагается на высоте 600-1000 м. Это место – наиболее развитая гидрографическая сеть Крыма. Не случайно юго-западное нагорье в прошлом являлось местом интенсивного этнокультурного развития. В античности здесь обитали тавры, а в средневековье при нашествии кочевников, нагорье заселяло оседлое земледельческое население, возникли знаменитые крымские «пещерные города», капитанство Готия, княжество Феодоро.

Третья, южная и самая высокая Главная Крымская гряда, простирается дугой на 180 км с юго-запада (от Севастополя) на северо-восток (до Феодосии), и имеет максимальную высоту 1545 м (г. Роман-Кош). Ее вершинная платообразная почти безлесная поверхность – яйла – богата летними пастбищами. Она изобилует карстовыми формами рельефа. Карстовые воды являются основными источниками водоснабжения, питаемые атмосферными осадками.

Климат горного Крыма является переходным от степного континентального к средиземноморскому. Зима мягкая в предгорье и умеренно-холодная на Главной гряде.

Причерноморский склон Главной гряды образует живописные ландшафты Южного берега Крыма с характерными для него амфитеатрообразными долинами, в которых в средневековье располагались крепости – Алустон (нынешняя Алушта), Горзувит (нынешний Гурзуф), Судак. На западной и восточной окраинах Главной горной гряды в природной контактной зоне море-горы-степь с удобными сухопутными подходами располагались крупные торговые города античности и средневековья – Херсонес и Кафа. В Российской Империи и особенно в СССР здесь создается крупнейшая курортно-рекреационная зона. Этому благоприятствовал климат Южного берега Крыма – средиземноморский, близкий к субтропическому.

Крым занимает особое географическое положение, является природной, этнической и экономической зоной контактов, историческим перекрестком народов, торговых путей и культур. На стыке гор, равнин и моря во все времена сталкивались интересы разных племен и народов, перекрещивались сухопутные и морские пути между Европой и Азией. Сочетание в Крыму степных и горных ландшафтов, органическая связь с евразийской степью на севере и морское окружение с трех сторон способствовали как притоку кочевого населения, так и воздействию со стороны цивилизаций и культур средиземноморского бассейна (Дергачев, 1997). В Крыму на протяжении тысячелетней истории накопилось немало примеров культуры природопользования разных этносов, прошедших через различные этапы и формы воздействия на ландшафты Крыма (Культура Крыма ..., 1993, с. 97-98). Важно отметить, что на протяжении многовековой истории Крыма длительное время в основном сохранялось различие в природопользовании между кочевыми народами степного севера и оседлыми народами горно-приморского юга (табл. 1, рис. 5).

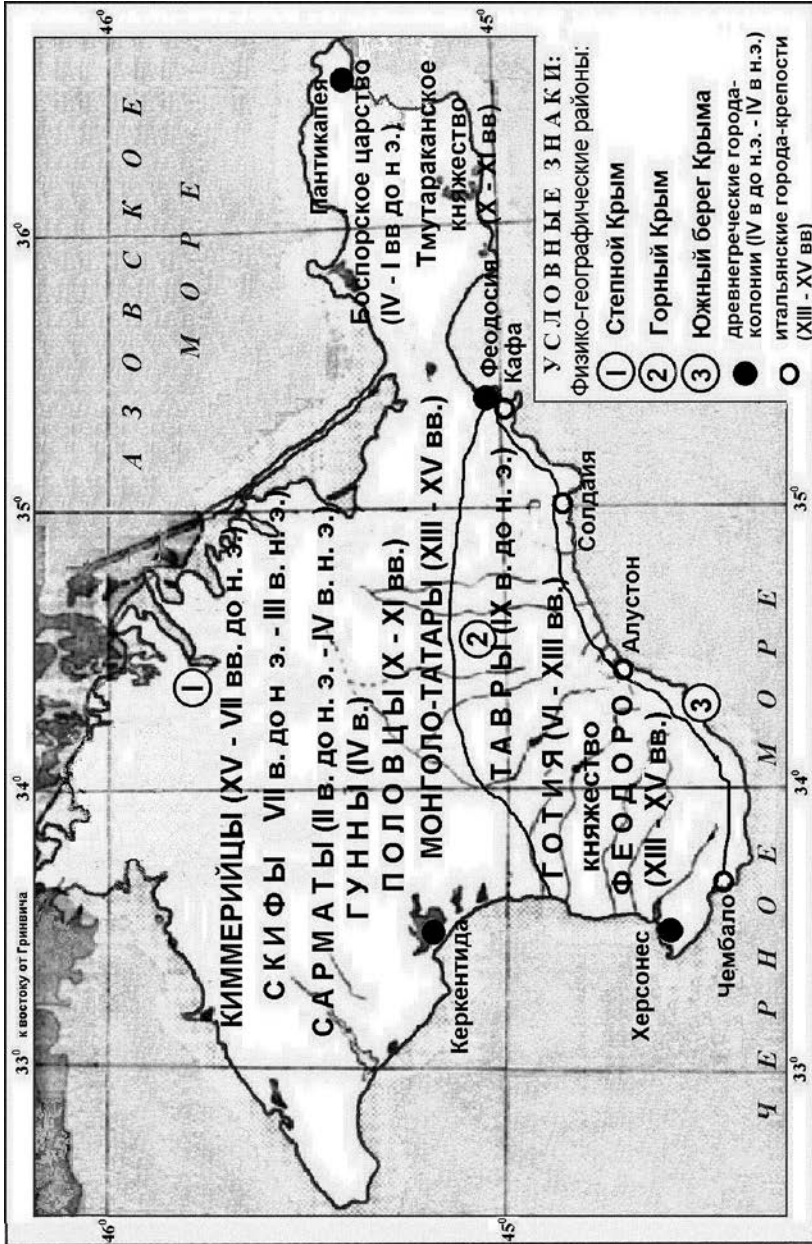
Таблица 1.

Исторические этапы и формы природопользования Крыма

Хронология	Числ. нас.	Основные исторические события и формы природопользования Крыма	
		Степной Крым	Горный Крым (включая южный берег Крыма)
1	2	3	4
XIII – VI вв до н.э.	50 -150 тыс. чел.	Киммерийцы. Кочевое скотоводство.	Тавры - пастухи и земледельцы.
VII вв до н.э. – V в н.э.	200 - 300 тыс. чел.	Государство скифов-кочевников. Охота, рыболовство, скотоводство. Сарматы (II в. до н.э. – IV в. н.э.)	Древнегреческие колонии на побережье. Добыча камня, строительство, обустройство с/х угодий. Виноградарство.

VI – XIII вв	100 - 150 тыс. чел.	Распространение влияния Хазарии на Степной Крым (VII в). Нашествие кочевников – протоболгар (VIII в), печенег (IX в), половцев (X в).	Распространение влияния Византии. Пашеводство, огородничество, садоводство, виноградарство, овцеводство.
XIII – XV вв	300 тыс. чел.	Образование монголо-татарами Крымского улуса Золотой Орды. Кочевое скотоводство.	Основание генуэзцами колоний на южном берегу. Княжество Феодоро в северо-западной части Горного Крыма. Рубка леса (теперь порослевой древостой занимает 2/3 площади лесов Крыма).
XV – XVIII вв	500 тыс. чел. в начале и 350 тыс. чел. в конце XVIII в	Образование Крымского ханства. Начало формирования крымско-татарского этноса. Отгонное скотоводство ногайцев. Вассалитет Османской империи. Череда русско-турецких войн.	Захват генуэзских колоний и разгром княжества Феодоро Османской империей. Южный берег Крыма перешел в непосредственное владение турецкого султана. Неполивное земледелие, пастбищное скотоводство.
XIX в	158 тыс. чел. (1800 г.), 397 тыс. чел. (1851 г.), 546 тыс. чел. (1897 г.).	Колонизация Крыма русскими, немцами, болгарами, греками, чехами. Развитие товарного овцеводства, виноградарства, садоводства. Интродукция растений. Распашка земель на равнине. Сокраще-	Строительство шоссейных и железных дорог. Развитие горнодобывающей промышленности. Начало рекреационного освоения побережья.

		ние площади лесов (на 1/3). Начало индустриализации.	
XX в	729 тыс. чел. (1913 г.), 1 126 тыс. чел. (1939 г.), 1 201 тыс. чел. (1959 г.), 2 430 тыс. чел. (1989 г.)	Развитие черной металлургии, химической промышленности, машиностроения. Увеличение пахотных земель в 1,5 раза, многолетних насаждений в 9 раз, строительство в 1960-х годах Северо-Крымского канала, развитие орошаемого земледелия (рост поливного земледелия в 28 раз). Возникновение эколого-экономических проблем порожденных индустриальным типом природопользования. Экономический спад, депопуляция в 1990-х.	Сокращение населения в период Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.) почти в 2 раза, в т.ч. за счет депортации 50 тыс. немцев в 1941 г., 188 тыс. крымских татар и 35 тыс. армян, греков и болгар в 1944 г. Новый этап промышленного освоения природных ресурсов. Рост карьеров по добыче строительных материалов в предгорном Крыму. Масштабное рекреационное освоение («все-союзная здравница»).
2000-2010-е годы	2 401 тыс. чел. (2001 г.) 2 285 тыс. чел. (2014 г.)	Сокращение в 1,5-2 раза с/х производства из-за истощения плодородия, вторичного засоления земель и экономического кризиса.	Лесовосстановление (увеличение площади на 1/5). Стагнация промышленности. Уменьшение выбросов загрязняющих веществ.

а)

б)

Рис. 5. Физико-географические районы Крыма и народы их населявшие

Так, на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века в степи и лесостепи появились кочевые племена киммерийцев (XII в до н.э.), часть их консолидировалась в предгорном Крыму в пастушеско-земледельческое население, образовав позже иной этнос – тавры (IX в до н.э.) (Материалы ... , 1987, с.12).

В VII в до н. э. из Северного Причерноморья приходят протоскифские племена. В этот период племена киммерийцев покидают Крым. Причина этого заключалась, возможно, в приближении многочисленных скифских орд. По этой же причине география размещения киммерийцев по территории полуострова изменилась: часть их была вытеснена из степных районов в предгорную и горную зоны Крыма, где создается зона компактного населения, известного под названием кизилкобинцев, позднее ассимилированная таврами (Зинченко, 1998, с.7).

В конце VII в до н. э., когда в степном Крыму господствовали скифы, на берегу Керченского полуострова выходцы из Древней Греции основали город-государство Пантикапей, в VI в до н. э. на восточном побережье – Феодосию, на северо-западном – Керкинтиду (современная Евпатория), в конце V в до н. э. – Херсонес. В 480 г до н. э. греческие полисы на Керченском и Таманском полуострове объединились в Боспорское государство (позже царство). С появлением средиземно-

морских колонистов здесь развивается виноградарство и виноделие, садоводство, огородничество и преимущественно плужное и частично товарное зерноводство.

Таким образом, к V в. до н. э. на территории Крыма четко выделялись три природопользовательско-этнических зон:

- скифский степной Крым с кочевым скотоводством;
- таврийский горный Крым с отгонно-пастбищным «яйлинским» овцеводством и мотыжным земледелием;
- древнегреческий прибрежный Крым с торгово-зерноводческим и виноградо-садоводческим земледелием (рис. 6).

Предгорные районы полуострова стали своеобразной контактной зоной побережья и степи. Они не были столь надежно защищены от внешних влияний, лишь Южный берег представлял собою изолированную Главной грядой территорию, труднодоступную для степняков, но беззащитную со стороны моря. На природно-пограничном рубеже степь-горы и горы-море происходит смешение народностей. Так в результате контактов приморских древнегреческих полисов и степных народов появилась своеобразная греко-скифская культура. Тогда же, в античных источниках, отмечается факт существования «скифотавров» или «тавроскифов», соединивших в себе черты степных скифов и горных тавров (Кругликов, Хотинский, 1989).

Во II в. н. э. на севере Крыма появились кочевые ираноязычные племена сармат, которые стали вытеснять крымских степняков-скифов в горы. Вытесненные с широких степных пространств и владея относительно небольшой территорией, скифы были вынуждены приспосабливаться к новым условиям. Они постепенно превращались в оседлых земледельцев и скотоводов. Прежде всего, они осваивают земли в речных долинах в пределах Внешней и Внутренней гряды, имеющие достаточное количество источников воды и плодородных земель для ведения скотоводства и земледелия. Политическое

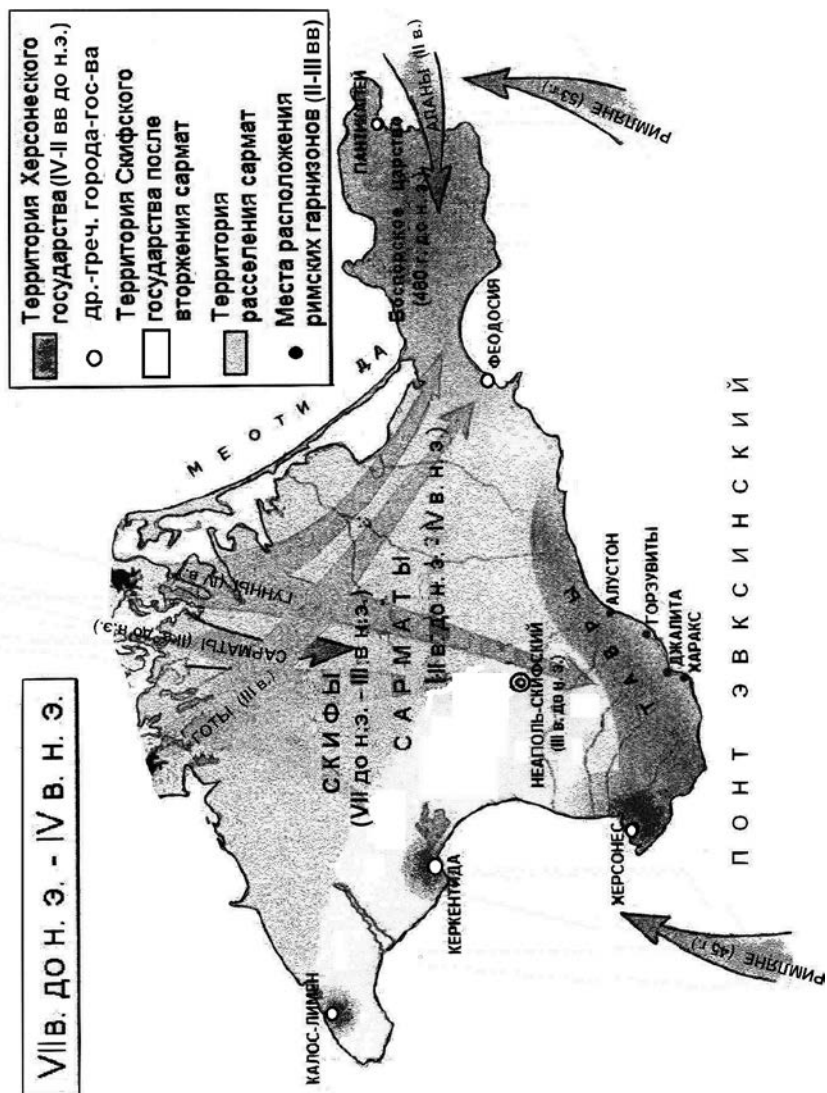

Рис. 6. Крым в VII в до н.э. - IV в н.э.

объединение скифов-пахарей завершается созданием государства со столицей Неаполь (Новый город) на юго-восточной окраине современного Симферополя. После этого скифы, в свою очередь, усилили нажим на прибрежные города, в основном на Херсонес, который в это время был включен в Римскую империю, положив начало череде скифо-херсонесских войн.

Перед лицом постоянной угрозы со стороны скифов (а ранее еще и тавров) Херсонесу приходилось хорошо укрепляться. Весь Гераклийский полуостров, на котором располагался Херсонес, был огражден стеной или валом по линии Инкерман-Балаклава. Из-за ограниченности территории остро встала проблема ресурсосберегающего природопользования. Тем более, что условия для всестороннего развития сельскохозяйственного производства на Гераклийском полуострове, в отличие от межгорных речных долин, не были столь благоприятными. Количество осадков на Гераклийском полуострове — не более 350 мм в год. Это минимальное количество, при котором возможно виноградарство. Конечно, 350 мм — средний показатель, а значит, в отдельные годы бывает и 400, и 300 мм. В последнем случае урожая винограда вообще не бывает. Для развития земледелия требуется искусственное орошение почвы. Кроме того, литологический состав слагающих пород способствует развитию эрозии, по всей площади полуостров разрезан в разных направлениях многочисленными балками. Необходимо было бороться с интенсивной ветровой и водной эрозией маломощного почвенного слоя, под которым залежали слои известняка и глины, часто выходящие на поверхность отдельными пятнами и даже целыми грядами.

Несмотря на такие условия, жители Херсонеса во многом преуспели в использовании ресурсосберегающих способов и приемов природопользования.

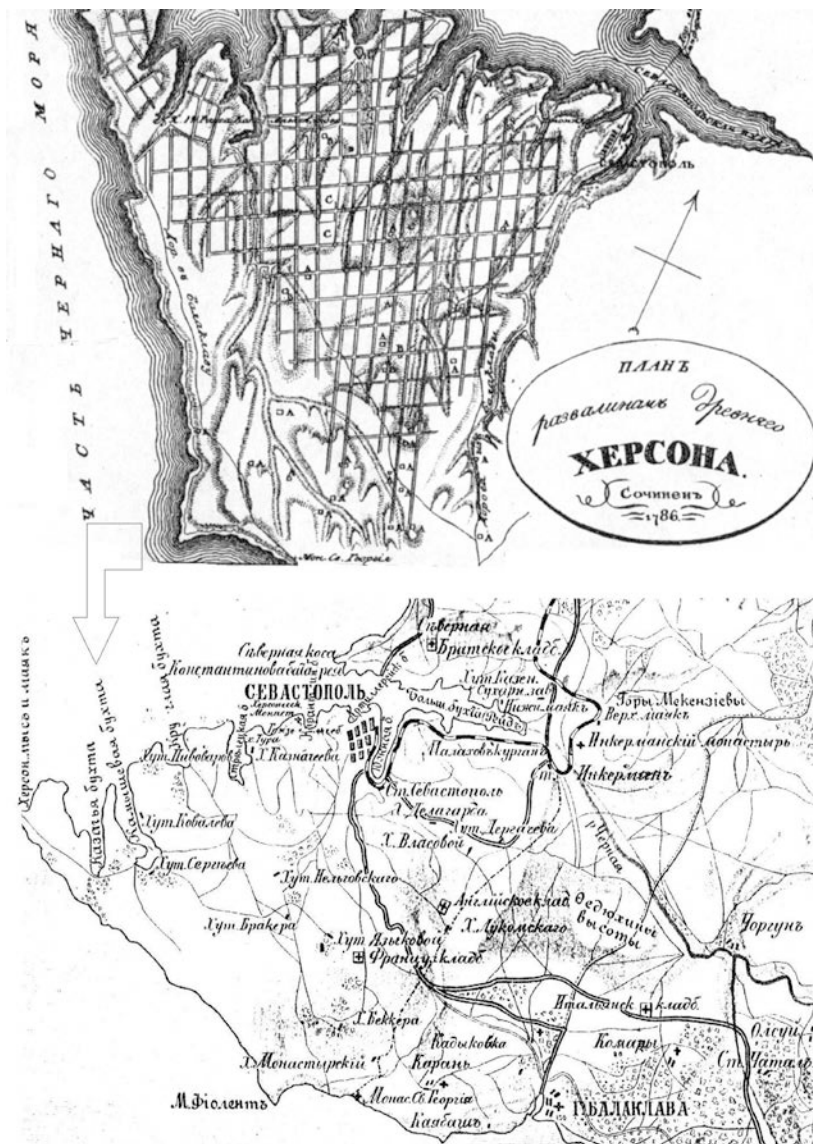

Рис 7. Клеры Херсонес Таврического

Рис 8. Клеры Херсонеса (современный вид)

Всего на Гераклейском полуострове, где располагался Херсонес, выделено около 400 земельных наделов (клеров), площадью 26-30 га каждый (рис. 7, 8).

Эти клеры являются примером земледельческой адаптации к местным природным условиям. Она заключалась в следующем: земледельцы клеров снимали на значительной площади почву и где-то по соседству ее складировали. Затем удаляли скальные породы, а почву укладывали на нижележащую глину и частично смешивали с ней. В результате увеличивалась реальная мощность почвенного слоя. Образовавшееся громадное количество камня использовалось для сооружения ограды наделов, разделения стенками каждого надела на участки, строительства усадеб, а также для сооружения стенок клеров. Стенки, сложенные насухо, играют роль конденсаторов влаги из воздуха и отдают эту влагу прилежащим участкам земли, частично восполняя ее недостаток (рис. 9).

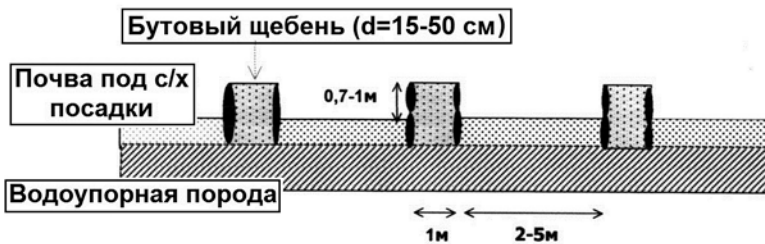

Рис. 9. Водосберегающие приемы природопользования в античном Херсонесе

Кроме того, параллельные стенки террасировали крутые склоны, предотвращали эрозию почв, защищали виноградные насаждения от ветра, заменяли шпалеры, служа опорой для виноградных лоз. Такие стенки прокладывались на виноградниках через каждые 2 м, в садах – через каждые 5 м. Это расстояние и сейчас рекомендуется в учебниках по сельскому хозяйству, как наиболее рациональное между рядами винограда или плодовых деревьев. Расстояние между кустами винограда в ряду приближалось к 1,5 м. При таком способе посадки на

одном гектаре размещалось около 5 тыс. кустов (Стржелецкий, 1961).

В результате адаптационного хозяйствования вырабатывались наиболее эффективные приемы землепользования. При террасировании склонов увеличивалась толщина почвенного слоя за счет верхнего участка террасы (рис. 10). Производилось мульчирование щебенкой садовых посадок для создания более благоприятного воздушно-водного режима в грунте (эффект подобен капельному орошению). Были построены масштабные и по нашим меркам гончарные водопроводы.

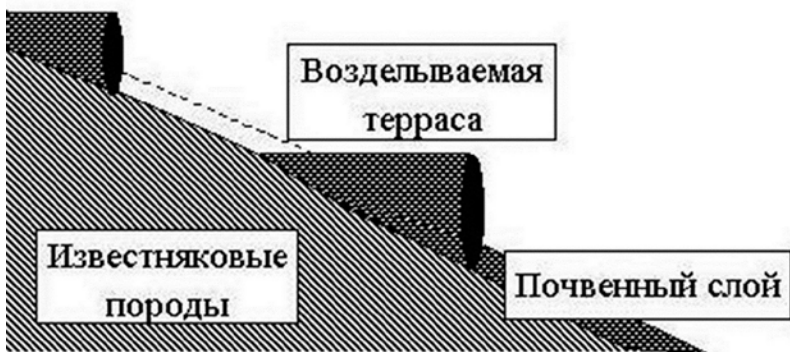

Рис. 10. Схема террасирования склонов в районе античного Херсонеса

Сходные природосберегающие приемы и способы землепользования относятся и к древнегреческой Феодосии, что могло быть связано с аналогичными природными условиями (в частности гидрогеологическими). Феодосия подобно Херсонесу располагается на отрогах Главной Крымской гряды. И, если сама Главная Крымская гряда состоит из водопроницаемых пород верхне-юрского образования, имеющих множество водоносных горизонтов, то ее отроги сложены в основном

плотными и водонепроницаемыми глинами ниже-юрского образования, скудными на грунтовые воды (Прохоров, 1904).

Среднегодовое количество осадков в окрестностях Феодосии не сильно отличалось от района Херсонеса – 366 мм в год, и уравнивалось таким же значением испарения, то есть, сколько выпало осадков, столько и испарилось. В этом случае для решения проблемы водопользования большое значение приобретают усилия по предотвращению испарения выпавших осадков, а также удержание их от безвозвратного стока со склонов в море. Для этих целей служили описанная еще в прошлом и в начале нашего века гидротехническая система, состоящая из колодцев, запруд, дренажей и гончарного водопровода (Моисеев, 1926).

В силу значительной величины поверхностного стока, после ливневых дождей образуются эрозийные промоины, размеры которых иногда достаточно значительны: порядка 0,4-0,6 м в ширину и глубину. По всей видимости, древние строители засыпали такие канавы щебнем. Это позволяло, во-первых, исключить испарения с открытой поверхности, а во-вторых, уменьшить скорость течения воды, что позволяло осесть взвесям и не дать воде быстро стечь в море. А спустя какое-то время стали сооружать такие щебневые канавы уже своими силами. В то же время, для просачивания воды вниз и очистки ее от мусора и грязи, устраивалась в балке целая система запруд-фильтров, одна ниже другой. Внизу балки сооружался колодец или башня-накопитель, а от него закладывалась водопроводная труба, направлявшаяся к одному из городских фонтанов. Следы таких запруд-фильтров можно было наблюдать еще в 1920-х годах. Они представляли собой ряд пологих зеленых холмов, расположенных уступами внутри балок. В разрезе каждая из них представляет собой последовательно сначала слой земли, вероятно, наветренный

со временем, потом слой щебня и под ним слой крупного камня (Жуков, 1931).

Примеры древнегреческих полисов показывают, что в исторических условиях «степного» окружения в процессе хозяйственно-деятельной адаптации к ограниченности природных ресурсов, у земледельцев этих полисов выработались ресурсосберегающие приемы и способы природопользования, давшие им возможность существовать длительное время.

В конце III в. в Евразии начинается интенсивное переселение племен и народов, которое продолжалось несколько столетий, известное под названием «Великое переселение народов». Это событие существенным образом коснулось Крыма. В 240-е гг. н. э. в северный Крым вторгаются германские племена готов, которые нанесли поражение скифскому государству, а затем и Боспорскому царству. Затем готы осуществляют морской поход вдоль южного берега Крыма и далее в Средиземноморье. Впоследствии готы оседают в Крыму, расселяясь в юго-западной его части и на южном побережье. Херсонес, оказавшийся в стороне от движения и основных ударов кочевых варварских племен, перешел под власть Византии.

В 375 г. тюркоязычные гунны разгромили готов и они были вынуждены тогда уйти в горные районы Крыма, где постепенно смешались с потомками тавроскифов. Не покорив горный Крым, гунны продолжили свое движение в Европу. В 453 г., когда союз гуннов распался, значительная их часть возвращается в степной Крым, где они окончательно разгромили Боспорское царство и позднескифские поселения. Еще около столетие на Керченском полуострове и в Приазовье существовало гуннское княжество, ликвидированное Византией путем прямой военной экспансии.

В раннее средневековье продолжается процесс бурного изменения этнического состава Крыма. В это время в евразийских степях существовала империя тюркоязычных племен – Хазарский Каганат (552-745 гг.). В конце VII в. почти весь Крым переходит под его контроль. Свободным полисом тогда оставался только Херсонес. Правда, в конце IX в. Византия восстановила свое правление в горном Крыму, включив значительную его часть в свою фему (военно-административная единица Византии). В степном же Крыму следует череда нашествий тюркоязычных племен: в VIII в. протоболгар, в IX в. печенег, в X-XI вв. половцев (или кыпчаков). Некоторое время (X-XI вв.) на Керченском полуострове на месте Боспорского царства существовал военно-торговый форпост Киевской Руси Тмутараканское княжество (Рис. 11).

Таким образом, этот период истории Крыма тоже отмечен существованием трех природопользовательско-этнических зон:

- чередующихся тюркоязычных кочевых племен степная;
- скотоводческо-земледельческая горная (тавроскифы, готы);
- торгово-земледельческая византийская южнобережная.

В XIII в. до Крыма докатилась очередная волна Великого переселения народов. Через Перекоп в Крым проникают монголо-татарские племена. После нападения в 1223 г. на Судак татаро-монголы покорили Крым, после чего степной и предгорный Крым стал одним из улусов Золотой Орды (рис. 12). Одновременно с татаро-монголами, завоевавшими Крым со стороны степи, южное, а затем восточное побережье начинают колонизировать итальянские города-государства Генуя и Венеция. Двигаясь вдоль побережья, они оттеснили греков-византийцев в горные районы полуострова, и завладели Солдаей (Судаком), основали фактории Чембало (Балаклава), Горзувиты (Гурзуф), Босиоро (Керчь) и другие. В прибрежной

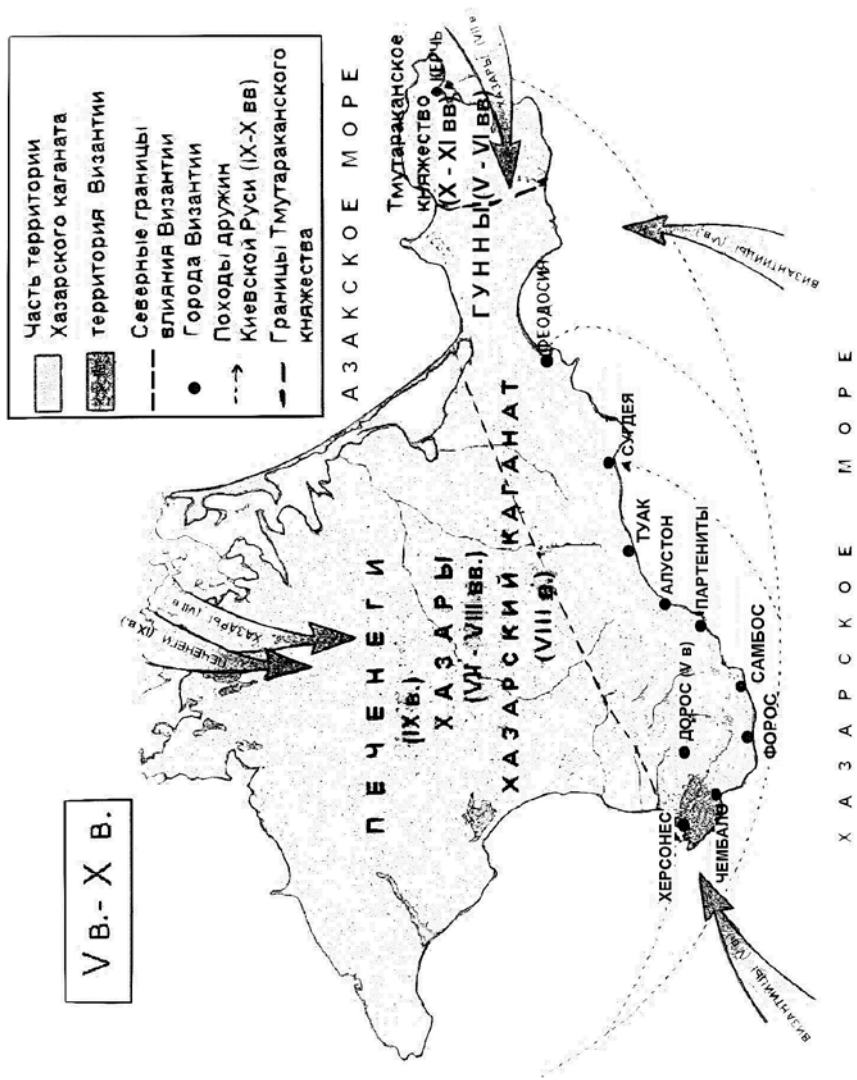

Рис. 11. Крым в V- X вв.

полосе от Чембало до Алустана (Алушты) генуэзцами было образовано «Капитанство Готия». В 70-е годы XIII в. генуэзцы приобрели у золотоордынских наместников право на основание фактории на месте, где ранее существовала Феодосия. Так возникла знаменитая Кафа, ставшая центром генуэзских владений в Крыму. Генуэзцами были освоены южнобережные долины под садоводство и виноградарство, возрождено крымское виноделие. Это позволило им вести успешную торговлю с Причерноморьем и Средиземноморьем.

В начале XIV в., вследствие опустошительных нашествий монголо-татар и падением Кимисийского армянского царства, в горный юго-восточный Крым переселяются армяне. Уже в XIV в. армяне составляют значительную часть населения Юго-Восточной Таврики, именовавшейся в некоторых генуэзских источниках как «Приморская Армения». Основным родом деятельности их была торговля и ремесло.

В середине XIV в. в северо-западной части горного Крыма образуется новое этно-культурное образование – православное княжество Феодоро со столицей Мангуп. Его населяли византийцы, потомки готов и тюркобулгар дохазарского и хазарского времени. В труднодоступных местах на Внутренней гряде строятся города-крепости. Отсюда удобней было контролировать пути-проходы из степной части Крыма в горную. Одновременно эти города служили жителям соседних незащищенных сельско-хозяйственных поселений надежным убежищем в момент грозящей опасности. Такое выгодное политико-географическое положение благоприятствовало росту населения и интенсивной хозяйственной деятельности. В результате этого, естественная древесно-кустарниковая растительность на крымских куэстах была практически уничтожена. Склоны стали интенсивно закарстовываться, а на при-

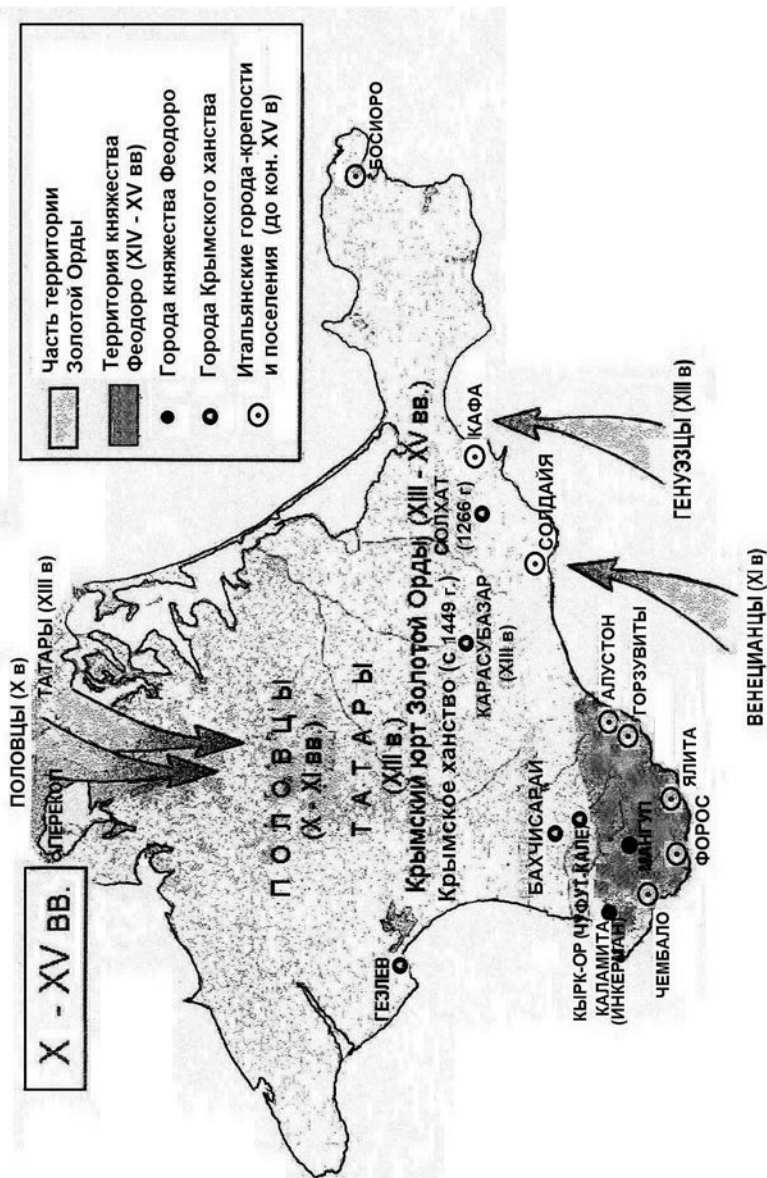

Рис. 12. Крым в X – XV вв.

лежащих к ним возделываемых землях усилились эрозионные процессы. Эти неблагоприятные последствия экологически несбалансированного природопользования отразились на хозяйственной жизни феодоритов и, в конечном счете, стали одним из факторов поражения их в борьбе с Османской империей.

После разгрома княжества Феодоро в середине XV в. Османская империя захватила геноуэзские колонии, и весь южный берег Крыма перешел во владения турецкого султана. Примерно в это же время в северо-восточной части горного Крыма образуется Крымское ханство со столицей Кырк-Ор (Чуфут-Кале), положившее начало формированию на территории полуострова крымскотатарского этноса. На тот момент на полуострове различались четыре этнографические группы крымских татар, которые просуществовали вплоть до начала XX вв. Это степные, предгорные, горные и южнобережные татары.

Помимо антропологических отличий у каждой из этих групп были свои особенности природопользования. Причем, если различия между степными и горными (включая южнобережных) татарами определялись, в первую очередь, их разным этническим происхождением, то различия у горных и южнобережных татар обозначились в процессе их хозяйственной специализации (Шибаета, 1997).

Степные татары (ногайцы) – прямые потомки кыпчаков и половцев. Основу природопользования у них составляло кочевое скотоводство. Однородная среда обитания обусловила моноэтничность и крайне простую хозяйственную структуру местных сообществ. Это имело неблагоприятные последствия для ногайцев: после присоединения Крыма к России земли ногайцев, пригодные для развития зернового хозяйства, более всего привлекли русских землевладельцев. В

итоге способы природопользования ногайцев оказались уязвимыми для влияния извне и неспособными должным образом адаптироваться к изменениям. Это привело к массовой эмиграции ногайцев, особенно в конце XIX в., когда распаханность в Степном Крыму выросла с 17% (1860 г.) до 54% (1900 г.).

Предгорные татары (орта-елак) – заселяли долины между Внутренней и Внешней грядой. Потомки кыпчаков осевшие в этих местах, занимали переходное положение между горными и степными татарами. Этнографически и лингвистически вобрала в себя черты, как тех, так и других (не случайно диалект орта-ёлак был положен в основу крымскотатарского литературного языка). Основной тип природопользования – богарное земледелие с садоводством и скотоводством.

Горные татары (таты) – расселялись на склонах Крымской Яйлы и в межгорных долинах Юго-Западного Крыма. Этнически они – потомки нетюркских народов (древних греков, готов, аланов, византийцев), которых степняки улуса стали именовать «татами». Условия природной изоляции горных долин позволили им в достаточной степени сохранить традиционные способы природопользования – мелкоконтурное земледелие, лесные промыслы, пастбищное скотоводство.

Южнобережные татары (ялы бойлу) – больше, чем другие крымскотатарские субэтносы испытали влияния турецкой культуры: помимо того, что Крым находился в вассальной зависимости от Османской империи, земли части Юго-Восточного и Южного берега Крыма принадлежали непосредственно турецкому султану и интенсивно заселялись турками. К тому же, уникальные климатические условия субтропиков южнобережья отразились на типе природопользования, связанном с возделыванием винограда, теплолюбивых суб-

тропических плодов и табака на небольших, разбросанных участках.

Таким образом, «специализация» в природопользования служила препятствием скорой консолидации крымскотатарского этноса. Помимо этого не подверглись ассимиляции малочисленные этносы Крыма – караимы и крымчаки.

Крымчаки сформировались в немногочисленную народность (этноконфессиональную общность) в средневековый период крымской истории. В начале XVI в. ими была создана собственно крымская литургия – «Ритуал Кафы», что позволило объединить представителей разноэтничных иудейских общин полуострова, на основе старожильческой тюркоязычной иудейской общины. Во времена Крымского ханства основные общины крымчаков проживали в Карасубазаре и Кафе (она подчинялась непосредственно Османской империи). Вдоль левого берега реки Кара-су располагалась Крымчакская община – «Кърымчаклар джамаат». Еще в начале XX в. эта часть Карасубазара (сегодняшнего Белогорска) называлась Крымчакской стороной. Небольшие поселения, устроенные по типу карасубазарских были в других городах Крыма.

Караимы тоже сформировались как этнос в Крыму. Тюркский язык и образ жизни древних караимов в необычном сочетании с исповеданием Ветхого Завета давно привлекли внимание ученых как явление неординарное, имевшее в прошлом аналогию только у хазар. Поэтому многие исследователи относят их к потомкам ветви древних караитов, входивших в гуннский и хазарский племенные союзы и ассимилировавших в Крыму сармато-алан и, частично, готов. По самосознанию караи – аборигены края, они осознают собственную этническую индивидуальность и в тоже время родство с другими тюркскими народами. До середины XX в. жили они в горах и предгорьях, в округе крепостей Кырк-Йер, Мангуп-Кале

(Бахчисарайский район), в районах Солхата (Старый Крым), Кафы (Феодосия).

С момента своего образования эти этносы-реликты Крыма как бы «выпали» из общего хода истории, законсервировав свою традиционную культуру от влияния извне. Многие архаичные сообщества (или, как еще их называют, «непрогрессивные», «внеисторические») в результате длительного сосуществования своей социально-хозяйственной структуры с природной средой превращаются в устойчивую, стабильную систему и приобретают определенную инерционность. При этом для выживания в постоянно меняющихся историко-культурных обстоятельствах, какими была богата история Крыма, наряду с инерционностью им требовалась достаточная степень симбиотичности (сосуществование с другими). Л.Н. Гумилев считал, что способность к симбиотическому сосуществованию с более исторически активными народами является важнейшим условием выживания реликтовых, статических этносов, или по Гумилеву, персистенты (Гумилев, 1993). К таким этносам в Крыму относятся караимы и крымчаки. В отличие от многих известных реликтовых этносов, сохранившихся в различных малодоступных районах планеты, крымчаки и караимы находились в этноконтактном регионе и соответственно имели мало шансов уцелеть. Для выживания им потребовалось выработать ряд совершенно оригинальных этнокультурных черт, таких как, например, «эффект исторической невидимки», т.е. исключительная лояльность и невмешательство в конфликты между противоборствующими этносам-доминантам.

В связи с этим имеется весьма любопытное свидетельство первого исследователя крымчакской проблемы П.М. Лякуба, относящееся к 1866 г.: «... по своему наречию, одежде и нравам татарским, так сказать, совершенно слились с татарами и

отстранились от сближения со своими наиболее образованными единоверцами; во-вторых, они всеми силами стараются ускользнуть от бдительного взора нашего правительства, избегая случая подать какой-либо малейший признак своего существования. Самым очевидным тому доказательством служит, что даже многим жителям Крыма название «крымчак» известно только понаслышке, за пределами же Таврической Губернии, можно сказать положительно, об них не имеют никакого понятия и не подозревают даже их существования».

Это и позволило как крымчакам, так и караимам выжить, ибо они никем не воспринимались в качестве возможного противника, союзника или просто подходящего объекта для грабежа. Поэтому и после присоединения Крыма к России (1783 г.) они смогли сохранить свою самобытность.

ГЛАВА 5

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ И В ПЕРИОД НАЧАЛА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (конец XVIII – середина XX вв)

Конец XVIII в. ознаменовался новым этапом в истории природопользования Крыма. Как и предыдущие, этот этап был связан с историческими и этническими изменениями произошедшими в Крыму. После присоединения Крыма к России (1783 г.) массовый характер приобретает эмиграция крымских татар в Турцию. Общее количество эмигрировавших в конце XVIII в. крымских татар, по разным оценкам, колеблется от 80 до 300 тыс. крымских татар. О численности жителей Крыма в период присоединения его к России сохранились противоречивые сведения. Некоторое время они строились на предположениях и носили достаточно приблизительный характер. И только пятая ревизия (перепись населения в 1795 г.) дала цифру 157319 чел., из которых 126 тыс. составляли крымские татары (Кабузан, 1990).

Практически в это же время в Крым начинают прибывать первые переселенцы из России. Сначала они состояли из несколько сотен отставных солдат, вывезенных из Центральной России государственных крестьян и выселенных в степной Крым из Северо-Западной России старообрядцев. Уже к нача-

ду XIX века в Крыму шел интенсивный процесс формирования местных локальных групп русского населения и имелось свыше сотни крепких русских сельских общин на территории Евпаторийского, Симферопольского, Феодосийского и Перекопского уездов (около 15 тыс. крестьян), которые составляли 7% сельского населения полуострова.

Основные хозяйственные занятия переселенцев уже в те годы были вполне традиционными для русских: выращивание зерновых, огородничество, разведение мясомолочного крупного рогатого скота. Привнесенная русскими крестьянами хозяйственная система в значительной степени отличалась от хозяйственной деятельности крымских предгорных татар, которые специализировались на овцеводстве, садоводстве и виноградарстве.

В 1802 г. в Крыму появляются первые немцы-переселенцы из Вюртемберга, Баварии, Швейцарии и Австрии, основавшие в предгорных, схожих с условиями их прежнего обитания, районах колонии: Нейзац, Фриденталь и Розенталь (ныне Красногорское, Курортное и Ароматное Белогорского района), Гелинцберг (Феодосийский горсовета) и Цюрихталь (с. Золотое Поле Кировского района), Кроненталь (с. Кольчугино Симферопольского района).

В начале XIX в. равнинный Крым, благодаря природным условиям, а также редкой заселенности, представлял собой район, пригодный для животноводства. В 20-х годах XIX в. царское правительство приняло ряд мер для развития здесь овцеводства. Для лиц, занимающихся овцеводством, по льготным ценам продавалась земля, представлялись денежные кредиты, снижались налоги. Поэтому, если в 1823 г. в Крыму насчитывалось 112 тыс. мериносовых овец, то в 1851 г. уже 1024 тыс. (Надинский, 1957). В середине XIX в. овцеводство занимает ведущее положение в сельском хозяйстве Кры-

ма. В ряде помещичьих имений доходы от овец превысили доходы от всех других видов сельскохозяйственной деятельности (Секеринский, 1974). Опережающее развитие овцеводства было вызвано и повышенным спросом на шерсть со стороны сукнодельных мануфактур Центральной и Северо-Западной России и за границей. Из-за того, что значительные площади (до 70-84 %) удобных сельскохозяйственных земель отводились под пастбища, доля пашни к середине XIX в. была незначительной (от 14 % в Предгорном до 27 % в Степном Крыму).

Помимо овцеводства в первой половине XIX в. большое внимание в Крыму уделялось виноградарству и виноделию. В этот период времени первенство в разведении винограда и виноделии исторически сохранял Восточный Крым. Еще в 1804 г. в Судаче было организовано казенное училище виноградарства. Улучшению сортов винограда в Крыму способствовал Никитский Ботанический Сад, и созданное при Саде в 1818 г. Магараченское училище виноделия. Значительно выросло количество виноградных кустов. Если в 1820 г. в Крыму росло 5,8 млн кустов, то в 1830 г. – 12 млн, а в 1840 г. – 35 млн кустов. Наиболее быстрыми темпами виноградарство стало развиваться на Южном Берегу Крыма, где природные условия южного побережья благоприятствовали разведению здесь наиболее ценных сортов винограда. Кроме того, этому способствовало и строительство перевальной шоссейной дороги Симферополь - Алушта (1826 г.), Алушта - Ялта (1837 г.), Ялта - Байдарская долина (1843 г.) и Ялта - Севастополь (1848 г.).

Таким образом, в середине XIX в. с момента присоединения Крыма к России, наблюдалось появление нового типа природопользования, связанного с этническими изменениями прежде всего в Центральной (степной и частично предгорной) части полуострова. Наряду со скотоводческо-кочевым типом природопользования ногайцев возникает овцеводческо-

земледельческий тип природопользования преимущественно русского населения Степного Крыма.

На дальнейший характер природопользования Крыма существенную роль оказала влияние Крымская война и, последовавшая после проведения железной дороги в Крым, индустриализация края. Эти изменения также сопровождались существенными этническими процессами.

После Крымской войны 1853-1856 гг., в связи с ростом цен на хлеб на мировом рынке, зерновое хозяйство становится все более рентабельным. В связи с этим, овцеводство в Крыму начинает постепенно свертываться, уступая место зерноводству. Поэтому, если в 1882 г. в Крыму было 3,89 млн голов овец, то в 1907 г. их осталось 1,13 млн голов (Секеренский, 1974). Тогда как посевные площади под зерновыми увеличились с 20,4 тыс. десятин (1860 г.) до 84,9 тыс. десятин (1895 г.), т. е. более чем в три раза. Потребности полеводства привели и к быстрому увеличению численности лошадей (Усов, 1928).

После Крымской войны начинается массовая эмиграция крымских татар. Если в 1850 г. их насчитывалось 267 тыс., а в 1858 г. – 242 тыс., то в 1864 г. – 100 тыс. Российское правительство предпринимает меры к привлечению на их место новых колонистов. В 1860-х годах в Перекопском уезде было основано 4 чешских колонии: Табор (ныне с. Макаровка Первомайского района), Богемка (ныне с. Лобаново Джанкойского района), Цареквич (с. Пушкино Красногвардейского района) и Александровка (с. Александровка Красногвардейского района). Выходцы из уже имевшихся немецких колоний начинают переселяться в другие населенные пункты или основывать новые - «дочерние» колонии в степном Крыму. К 1880 г. на полуострове уже было 45 населенных пунктов с немецким населением: Спат (ныне п. Гвардейское Симфиро-

польского района), Биюк-Онлар (п. Октябрьское) и Курман-Кемельчи (п. Красно-гвардейское), Эйгенфельд и Аннефельд (ныне территория Джанкойского района) и др. На востоке Симферопольского уезда в покинутых крымскими татарами поселениях размещаются эстонские переселенцы (к 1897 г. их численность составила 2,2 тыс. чел). По Феодосийскому уезду начинают расселяться кишлавские болгары (поселение Кишлав было основано еще в начале XIX в., бежавшими от турок болгарями).

Изменения в этнической структуре населения (так, доля крымских татар в населении Крыма за 1851-1864 гг. уменьшилась с 78% до 50%) существенно повлияли на природопользование на территории Крыма. Если хозяйствование крымских татар-земледельцев было обращено на предгорные районы Крыма (к этим условиям уже были выработаны адаптированные приемы природопользования в период складывания крымскотатарского этноса), то русские и другие переселенцы начали осваивать степи, в соответствии со своей пашенной культурой хозяйствования, заменив там кочевое скотоводство ногайцев. Механизм адаптации к новым природным условиям становится соподчиненным выработанным этносом формам природопользования. Заселяя край, они приносили свою культуру хозяйствования, которая определяла дальнейший характер природопользования на этой территории.

В 1880-х годах основным источником существования для жителей Крыма стало хлебопашество. Оно обеспечило существование 70% всех жителей Крыма. В растениеводстве зерновыми культурами было занято 87% посевных площадей, занимая 220 тыс. десятин. Хлебопашество в Крыму прочно заняло первое место. Незначительными посевами зерновых хлебов были лишь в Ялтинском уезде, преимущественно засе-

ленном крымскими татарами. Здесь в силу природных условий и этнической особенности природопользования хлебопашество занимало второстепенное место или вовсе отсутствовало, уступив место виноградарству, табаководству и садоводству (Пермякова, 1990).

Меняется характер природопользования и в предгорной части Крыма. Если до колонизации в структуре посевов преобладали фуражные злаки для значительного в татарских хозяйствах поголовья скота, то с заселением сюда русских и немецких колонистов здесь стало развиваться зерновое земледелие на поливных землях (Секеринский, 1974).

При этом зерновое хозяйство носило, в известной степени, экстенсивный характер. С.А. Секеринский, сопоставив данные 1800-х и 1900-х гг., установил, что за целое столетие урожайность зерновых почти не изменилась (от 9,4 ц/га до 9,8 ц/га). Как в целом, так и по отдельным культурам не отмечено существенного прогресса, за исключением некоторого повышения урожайности озимой пшеницы, по которой Крым занимал первое место в России. Увеличение производства зерна происходило преимущественно за счет расширения посевных площадей. Вспашка полей производилась буккером, приспособлением которое ускоряло сельскохозяйственные работы, но мелкая вспашка им приводила к падению плодородия почв. Требовались новые, целинные земли. Поэтому рост посевов шел за счет крестьянских выгонов, пастбищ для овец и даже солончаковых земель.

Идет процесс формирования локально-территориальных групп смешанного населения в Крыму. К 1886 г. в Крыму численность русских и украинцев выросла до 144 тыс. чел. (40% всего населения). Они составляли большинство населения в Керчь-Еникальском (92%) и Севастопольском (72%) градоначальствах, а также в Феодосийском уезде (53%). В эти

же годы началось активное освоение русскими и украинцами земель Евпаторийского и Феодосийского уездов. Местная администрация назначила под поселение все бывшие земли крымских татар и значительную долю казенных участков, которые интенсивно стали запахиваться. Насколько сильно шла распашка земель можно судить по таким данным: в 1860 г. под пашней было около 1 млн десятин, в 1881 г. – уже более 2 млн., а в 1887 г. – почти 3,5 млн десятин (Крым, 1914). Из-за роста посевов происходит сокращение поголовья овец. За период с 1866 г. по 1889 г. количество тонкорунных овец сократилось с 2,3 млн голов до 138 тыс. голов, т.е. в 17 раз (Дюличев, 1998).

Эти процессы объясняются еще тем, что после отмены крепостного права в России в 1861 г. в связи с ростом безземельного населения в стране, резко увеличился спрос на хлеб, возросли на него цены. Правительство стало раздавать земли в Крыму и поощрять переселение туда из других губерний России и из-за рубежа. В Крым устремилась новая волна переселенцев, в большинстве своем это были русские крестьяне. В результате к 1897 г. численность переселенцев превысила 130 тыс. человек и составила почти 25% численности всех жителей полуострова. На это же время (1897-1902 гг.) приходится очередной массовый выезд крымских татар, который привел к значительному запустению крупных земельных массивов в Степном Крыму.

Таким образом, во второй половине XIX в резко меняется тип природопользования степных уездов (Перекопского и Евпаторийского). Экстенсивно-животноводческий тип природопользования (овцеводство) сменяется экстенсивно-растениеводческим (зерновое хозяйство). В социально-экономическом аспекте этому способствовали этнокультурные изменения, произошедшие в Крыму на протяжении XIX в.

Начало индустриального развития Крыма положило строительство железных дорог, открывших внутренний рынок страны и положивших начало товарному производству на полуострове. Первой в 1873-1875 гг. была построена железнодорожная линия Лозовая-Симферополь-Севастополь, связавшая Крым с Центральной Россией. Затем от нее была проведена железнодорожная ветка Джанкой-Феодосия (1892 г.) и ее продолжение Владиславовка-Керчь (1900 г.). Постройка железных дорог облегчила доставку к портам Крыма и вывоз из страны зерна (в конце XIX в из крымских портов вывозилось 25 млн пудов хлеба). Появилась возможность вывозить фрукты и виноград в свежем виде в столичные города Центральной России. И если, например, в 1875 г. было вывезено 14,5 тыс. пудов свежих фруктов, то в последующие годы вывоз не падал ниже 100 тыс. пудов. Соответственно, возросла и площадь земель под садами. Она увеличилась почти в 2,5 раза к 1910-м годам по сравнению с серединой XIX в. Кроме того, строятся фабрики по консервированию плодов, что придает садоводству промышленный характер. Сельское хозяйство Крыма стало все больше приобретать товарный характер.

После проведения железной дороги в Симферополь, Севастополь, Феодосию и Керчь произошло резкое увеличение темпов роста производства товарного зерна. Производство зерна, в основном пшеницы, стало ориентироваться на внешний рынок. В 1885 г. на одного жителя было вывезено за рубеж 15,3 пуда зерна, тогда как в среднем по европейской части России – 2,3 пуда (Надинский, 1957).

В самом начале XX в освоение Крыма пришлым населением вступило в новую фазу. Самые плодородные территории (в Феодосийском и Симферопольском уездах) были уже плотно заселены и часть переселенцев устремилась на еще свободные степи Евпаторийского и Перекопского уездов.

Всероссийская перепись 1897 г. дает возможность оценить процесс заселения полуострова. В это время численность русских составила почти столько же, сколько крымских татар (табл. 2, стр. 85).

Русские составляли большинство в градоначальствах и существенную часть в уездах с крупными центрами (Симферопольском и Феодосийском). Меньше всего русских было в Евпаторийском уезде. Крымские татары составляли большую часть населения Ялтинского уезда. Самым полиэтничным уездом Крыма на тот момент был Перекопский. Крымских татар, русских, немцев и украинцев там было примерно поровну (рис. 13).

С начала XX в. поток русских и всех иных переселенцев в Крым уменьшился. Это объяснялось высокой для того времени заселенностью полуострова. Доля русских в Крыму, хотя и продолжала увеличиваться, но происходило это гораздо медленнее. Начинается процесс перераспределения населения внутри Крымского полуострова. Наиболее активными в этом процессе оказываются русские. Значительная часть русских переселенцев начала переезжать из сельской местности в города: Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия. Там все больше требовалась рабочая сила для растущих промышленных предприятий, железнодорожного и портового хозяйства.

Все это привело к тому, что на полуострове стали складываться крупные региональные сельско-городские группы русских. Уже тогда это были самые многочисленные и демографически устойчивые группы на полуострове.

За более чем сто лет российского освоения, в Крыму сложилась новая, отличная от крымскотатарского, система расселения. Русская колонизация Крыма в XIX в. в основном осуществлялась с Севера, в то время как крымскотатарская система расселения сформировалась на юге Крыма. Каждой из

них соответствовал свой, так называемый – опорный каркас расселения (Лаппо, 1978):

- общекрымский, включавший города Симферополь, Севастополь, Керчь (ставшие впоследствии региональными промышленными центрами);
- крымскотатарский южный, куда входили Бахчисарай, Карасубазар, Старый Крым.

Периферийными для обоих каркасов расселения были Евпатория и Феодосия.

Причем надо заметить, что обособленное существование крымских татар при сложившейся «двухкаркасной» модели расселения скорее помогло нежели навредило им. Процесс «врастания» крымскотатарских поселений в новую общекрымскую систему растянулся во времени. На протяжении более чем столетия сохранялся в неприкосновенности крымскотатарский ареал на юге полуострова. Благодаря этому долгое время сохраняли свое значение крымскотатарские центры, Бахчисарай и Карасубазар (ныне Белогорск). Сохранение традиционного образа жизни тесным образом связано с этими городами. Именно там производились атрибуты национальной культуры (одежда, утварь). Там была сосредоточена духовная жизнь крымских татар.

Столь продолжительное существование крымскотатарской системы расселения было возможно только благодаря сохранению ее нижних «этажей». По данным переписи 1926 г., на южном берегу Крыма и в соседних с ним предгорьях, татарских селений с людностью более тысячи человек было 26. Среди них самые многолюдные Ускут (2790 чел.), Отузы (2207 чел.), Корбек (2109 чел.), Капсихор (1562 чел.). Во всех этих больших селах татары составляли более 90% жителей, причем в них проживало четверть всего крымскотатарского сельского населения (Клячин, 1992).

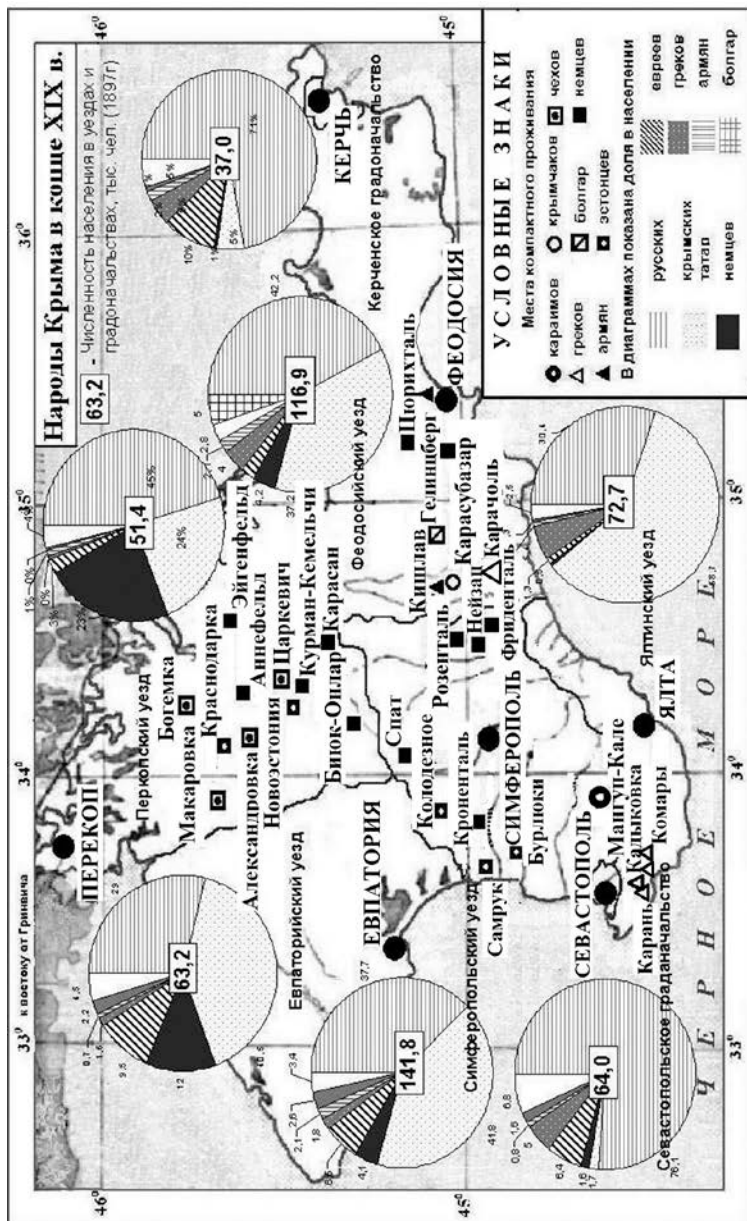

Рис. 13. Народы Крыма в конце XIX в. (Население Крыма ... – Симферополь: Таврия, 1989, с. 7-10 и др.).

Несмотря на чрезвычайную полиэтничность Крыма, подавляющее большинство крымских татар жило в моноэтнических поселениях. Так, в селах, где крымские татары составляли более 80% населения, проживало более 90% всех крымских татар в районе Бахчисарая.

Крымские татары имели достаточно компактный ареал проживания на юге полуострова, который простирался от Балаклавы на западе до Судака на востоке и от Карасубазара до Ялты. Кроме Южного берега, крымские татары компактно проживали на Керченском и Тарханкутском полуостровах, в районе Евпатории и на берегу залива Сиваш. Наиболее крупные группы горожан из числа крымских татар имелись в Бахчисарае (10 тыс. чел.), Симферополе (7,9 тыс. чел.), Евпатории (6,2 тыс. чел.), Карасубазаре (6,2 тыс. чел.), Феодосии (2,6 тыс. чел.) и Керчи (2 тыс. чел.).

Сохранение традиции в определенных районах не меняло общей тенденции к размыванию системы расселения крымских татар. Первоначально сращивание опорных каркасов расселения произошло в их периферийных частях. Там где контакт был теснее, например в Феодосии и Евпатории, эти города оставаясь значительными крымскотатарскими центрами, стали развиваться в рамках общекрымской расселенческой модели. Развитие, переход крымских татар на выращивание доходных культур (табака, винограда и т. д.) и, наконец, развитие курортного хозяйства сделали то, чего не могла сделать конфронтация и эмиграция. В 1926 г. самая большая городская группа татар была сосредоточена уже в Симферополе (более 11 тыс. чел., в 1939 г. уже более 17 тыс. чел.), а не в традиционных татарских центрах – Бахчисарае и Карасубазаре. Много крымских татар появилось в Ялте и Севастополе, соответственно – 2123 и 4674 человек в 1939 г. (Крым многонациональный, 1988, с.70). Еще активней переселялись в «русские» горо-

да караимы и крымчаки. Можно предположить, что если бы не депортация крымских татар в 1944 г., то два опорных каркаса расселения в итоге слились бы, при сохранении Бахчисарая, Карасубазара, Старого Крыма, Перекопа как национальных (преимущественно крымскотатарских) центров.

Помимо двух основных систем расселения в Крыму в 1920-е годы было и несколько локальных. Это, например, греческие хутора на побережье близ Балаклавы (Кадыковка, Комары, Карань), немецкие колонии и фермы в степном (Аннефельд, Эйгенфельд и др.) и предгорном (Нейзац, Фриден-таль, Цюрихталь, Гелинцберг и др.) Крыму (рис. 13).

Уже отмечавшаяся моноэтничность поселений у крымских татар, была характерна и для большинства других крымских этносов. Исключение, быть может, составляли лишь некоторые районы, такие, например, как окрестности Карасубазара, где во многих населенных пунктах совместно проживало несколько национальных общин. Сравнительная моноэтничность Крыма на уровне поселений и природопользовательские различия этносов, предопределили обособленность и определенную закрытость национальных общин.

Несмотря на то, что Крым в 1920-е годы был одним из самых пестрых в этническом отношении районов Советского Союза, по степени мозаичности он был далеко не однороден. Неслучайно в 1930-1935 гг. при административно-территориальном делении из новых 26 районов 11 были выделены как национальные: Биюк-Онларский, Тельмановский, – немецкие, Фрайдорфский, Лариндорфский – еврейские, Балаклавский, Бахчисарайский, Фоти-Сальский (позже Куйбышевский), Ялтинский, Алуштинский, Судакский – крымскотатарские, Ишуньский – украинский. Остальные – смешанные (рис. 14). В местах компактного проживания было создано 8 на-

циональных греческих сельсовета, 3 эстонских, болгарские, чешские.

Любопытна история создания Фрайдорфского еврейского национального района. Он был образован после переселения в 1920-х годах в Крым еврейских семей из Гомельской, Могилевской, Смоленской и некоторых других западных областей СССР. В отличие от них, евреи, населявшие до этого Крым, были преимущественно городскими жителями и, как правило, не занимались сельскохозяйственным трудом.

Из новых переселенцев-евреев создание земледельческих колоний началось в 1923-1924 гг. и первоначально носило стихийный характер. Первые 34 колонии, созданные в это время, заняли около 15 тыс. десятин земли в степной части Крыма. В 1925 году были организованы еще 11 колоний, создан национальный сельсовет – Ротендорфский (Ротендорф – Красное село). В конце 1920-х - начале 1930-х годов из новых переселенцев создаются коммуны, товарищества, колхозы, и они, таким образом, становятся вовлеченными в сельскохозяйственное освоение целинных земель степного Крыма.

Среди всех этнических групп Крыма внутренняя миграционная активность самой высокой была у русских, несмотря на то, что миграция за пределы полуострова была крайне незначительной. Многие сельские и городские группы русских проживали на крымской земле уже в течение нескольких поколений. Хозяйственная адаптация русских крестьян к местным условиям была в целом завершена.

Русские оказались более других вовлеченными в процесс индустриализации и сопутствующей ей урбанизации. К 1917 г. доля городского населения возросла до 50,9%, впервые превысив долю сельского. Городское население было преимущественно русским – 56,6%. В то время, как доля крымских татар в городах Крыма уменьшалась: если в 1897 г.

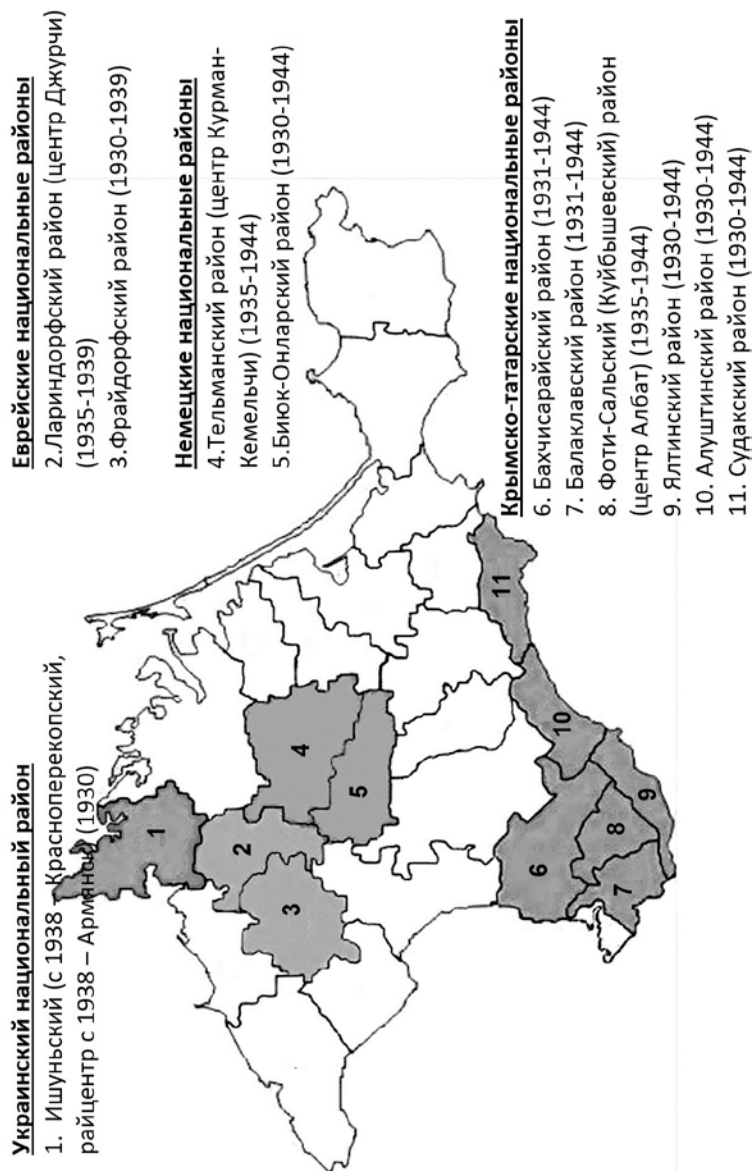

Рис. 14. Административно-территориальное деление Крымской АССР, 1935 г.

среди городских жителей их было 21,3%, то в 1923 г. – 11,3%, а в 1939 г. – 10,2%. Тем не менее, на протяжении этих лет крымские татары оставались одним из доминирующих этносов среди сельского населения. Наиболее существенным сельский крымскотатарский анклав был в Ялтинском (82,7%) и отчасти Симферопольском (40,3%) и Евпаторийском уездах (30,7%).

Крым, оставаясь регионом смешанного социокультурного освоения, последовательно превращается в русский «анклав». Это проявляется в виде развития промышленности, ориентированной в реальности, прежде всего, на русское население. Была создана система городов с новой «русской» специализацией: Керчь — город, живущий портом, добычей железной руды и металлургией; Феодосия — торгово-финансовый центр; Симферополь — административный центр; Севастополь — военно-морской форпост, центр судостроения; Евпатория — город соли добычи и каменоломен; Ялта — рекреационный центр с императорскими дворцами и дачами придворной знати.

Согласно данным переписи 1926 г. в Крыму проживало 301,4 тыс. русских. По переписи 1939 г. русских в Крыму стало почти в два раза больше – 558,9 тыс. чел., составив 50% всего населения Крыма (табл. 2). К этому времени русские составляли этническое большинство во всех районах Крыма за исключением южного побережья, где в то время численно преобладали крымские татары. Среди городского населения русские составляли меньшинство только в Евпатории из-за высокой доли украинцев.

Таким образом, за первую половину XX в. можно констатировать, что развитие индустриализации Крыма и рост урба-

низации сопровождался существенными этническими изменениями. Самой многочисленной национальностью Крыма стали русские, которые в наибольшей мере оказались вовлеченными в процесс индустриализации и урбанизации края. Главные промышленные центры Крыма – Севастополь, Симферополь, Керчь – являлись русскими. Природопользование здесь становится преимущественно аграрно-индустриальным и индустриальным. Тогда как не вовлеченный в сферу индустриализации, Горный Крым, природопользование в котором было преимущественно аграрного типа, оставался в основном местом традиционного природопользования крымских татар.

В 1944 г. после освобождения от немецко-фашистской оккупации из Крыма было выселено: крымских татар – 188,6 тыс. чел., немцев – 50 тыс. чел., греков – 14,4 тыс. чел., болгар – 12,4 тыс. чел., армян – 8,6 тыс. чел. (Иванова, 1995). После этого на опустевшие земли Крыма были переселены сельские жители из центральных и южных областей РСФСР и Украины. Это было организованное переселение – целыми колхозами.

Новые переселенцы, оторванные от привычного образа жизни, оказавшиеся в незнакомых условиях, не могли успешно развивать садоводство и виноградарство в горных районах. Не зная секретов местной ирригации, они запустили обустроенные крымскими татарами водные источники. Это не могло не сказаться на дальнейшем ходе развития природопользования Крыма. С ростом индустриального развития проблемы в природопользовании стали решаться не столько за счет исторического опыта проживавших здесь народов, сколько за счет технократических подходов. Это привело к наращиванию ресурсопотребления и вовлечению все больших и больших территорий Крыма в сферу индустриализации.

Таблица 2

Национальный состав населения Крыма и его изменения в 1897-2014 гг. (тыс.чел., в скобках – % от всего населения)

Националь- ность	1897	1926	1939	1959	1979	1989	2001	2014
Русские	180,9 (33,1)	301,4 (42,6)	558,5 (49,6)	858,3 (71,4)	1460,1 (68,4)	1629,5 (67,0)	1450,4 (60,4)	1492,0 (65,3)
Украинцы	64,7 (11,8)	77,4 (10,9)	154,1 (13,7)	267,7 (22,2)	547,3 (25,6)	625,9 (25,7)	576,7 (24,0)	344,5 (15,0)
Крымские татары	194,3 (35,6)	179,1 (25,3)	218,9 (19,4)	0,42 (0,03)	5,42 (0,3)	38,4 (1,6)	245,3 (10,2)	232,3 (10,1)
Татары				1,35 (0,1)	9,66 (0,6)	10,8 (0,6)	13,6 (0,9)	45,0 (3,0)
Белорусы	2,0 (0,4)	3,8 (0,5)	6,7 (0,6)	21,7 (1,8)	43,2 (2,0)	50,0 (2,0)	35,2 (1,5)	21,7 (0,9)
Армяне	8,3 (1,5)	10,7 (1,5)	12,9 (1,2)	2,0 (0,2)	3,4 (0,2)	2,8 (0,1)	10,1 (0,4)	11,0 (0,7)
Евреи	24,2 (4,4)	16,6 (2,3)	65,5 (5,8)	25,4 (2,1)	21,5 (1,0)	17,7 (0,7)	5,53 (0,2)	3,14 (0,2)
Греки	17,1 (3,1)	16,0 (2,3)	20,7 (1,8)	11,3 (0,1)	1,89 (0,1)	2,68 (0,1)	3,04 (0,1)	2,88 (0,2)
Поляки	7,0 (1,3)	4,5 (0,6)	5,1 (0,9)	3,9 (0,3)	6,1 (0,3)	6,1 (0,2)	4,46 (0,2)	2,84 (0,2)
Эстонцы	2,2 (0,4)		1,2 (0,2)			1,7 (0,1)	1,91 (0,1)	2,39 (0,2)
Болгары	7,5 (1,4)	11,4 (1,6)	15,3 (1,2)	6,0 (0,5)	1,57 (0,1)	2,2 (0,1)	2,28 (0,1)	1,86 (0,1)
Немцы	31,6 (5,8)	43,6 (6,2)	51,3 (4,5)	0,48 (0,04)	1,58 (0,1)	2,35 (0,1)	2,79 (0,1)	1,84 (0,1)
Чехи	1,2 (0,2)		1,67 (0,3)			1,0 (0,1)	0,7 (0,05)	0,6 (0,05)
Караймы	6,2 (1,2)	4,2 (0,6)	6,0 (1,0)	1,89 (0,2)	1,15 (0,1)	0,88 (0,1)	0,71 (0,05)	0,53 (0,04)
Крымчаки	3,3 (0,5)		6,0 (1,0)	0,96 (0,1)	1,04 (0,1)	0,60 (0,1)	0,28 (0,02)	0,22 (0,02)
Всего	546,6	706,8	1126,4	1201,5	2135,9	2430,5	2401,2	2284,8

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.; Всесоюзная перепись населения 1926, 1939, 1959, 1979, 1989 гг.; Всеукраинская перепись населения 2001 г.; Перепись населения в Республике Крым 2014 г.

ГЛАВА 6

ОТРАСЛЕВАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ ТИПОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМА

Современные типы природопользования Крыма сложились за более чем сто лет индустриального развития края. За это время в процессе общественного разделения труда и вовлечения в использование все новых видов ресурсов природопользование уже нельзя было рассматривать как единую сферу деятельности, как это было в рамках аграрного общества. Природопользование начинает формироваться в рамках разных отраслей хозяйства, зачастую не связанных между собой. При индустриальном укладе трудовая деятельность людей становится все более узкоспециализированной по видам, а в рамках производственной деятельности — по отраслям хозяйства. Каждый из видов и отраслей по-своему связан с природой, воздействуя на нее, используя и изменяя ее, в свою очередь, по-разному зависит от природы.

По характеру отношения к природе и ее ресурсам среди современных отраслей природопользования можно выделить 5 групп (Преображенский и др., 1985): ресурсо-сырьевые, ресурсопотребляющие и природно-ресурсные отрасли, а также ландшафтопользование и опытно-заповедное хозяйство.

1. *Ресурсо-сырьевые отрасли.* К ним относятся горнодобывающие отрасли, использующие природу как источник сырья, энергии и материалов.

В Крыму издавна ведутся разработки различных полезных ископаемых: строительных известняков, глин, песка, песчаника, гравия, поваренной соли, минеральных подземных вод и других. Все они являются сырьем для строительства, для удовлетворения потребностей металлургической, химической и пищевой промышленности. В Крыму размещается более 100 объектов горнодобывающей промышленности и насчитывается около 250 карьеров. Объем ежегодной добычи в середине 1990-х годов достигал 35-40 млн т (Тарасенко, Хмара, 1995). В настоящее время объем резко снизился.

Наибольший объем горнодобывающей промышленности составляют разработки строительных материалов. В основном это пильный известняк, щебень, керамическая глина горного Крыма и Керченского полуострова. В ряде мест равнинного Крыма разрабатываются карьеры по добычи ракушечника. В Крыму насчитывается около, разбросанных по всей территории полуострова. В районе Балаклавы и Керчи разрабатываются месторождения флюсовых известняков.

С разработкой флюсовых известняков, а также с Керченским железорудным месторождением связано появление черной металлургии в Крыму. Добыча руды здесь началась еще в конце XIX в. со строительством Керченского металлургического завода (ныне им. П.Л. Войкова) в 1899 г. Темпы добычи железной руды за 30 лет увеличились с 20 тыс. т до 315 тыс. т. в год (Дюличев, 1998). В 1931 г. был построен Камыш-Бурунский железорудный комбинат (ЖРК), на котором в 1950-1980 гг. агломерировалось до 4 млн т руды в год (Крым ..., 1993, с. 3). Руда добывалась карьерным способом на площади 250 км². С 1989 г. разработка Керченского железорудно-

го месторождения прекращена. Это было связано не только со снижением качества руды, но и с негативным воздействием открытого способа добычи на состояние земельного фонда Керченского полуострова. Так за годы работы комбината было выведено из сельскохозяйственного оборота 1,5 тыс. га земли. На Камыш-Бурунский железорудный комбинат в 1980-х гг. приходилось подавляющее большинство выбросов загрязняющих веществ в атмосферу всего Крыма (75% от всех выбросов стационарных источников или 351,8 тыс. т/год). С прекращением переработки низкокачественной руды Керченского бассейна и сокращением производства количество выбросов к концу 1990-х годов уменьшилось на порядок, составив 25,5 тыс т/год (Статистический ежегодник АР Крым, 2000). В 2002 г. предприятие ликвидировано.

Наличие нефти на полуострове было подтверждено еще во времена Российской империи, а первые нефтескважины на Керченском полуострове пробурили еще в 1864 г. Природный газ стали добывать с 1960 г. Самые крупные запасы углеводородов залегают на шельфе Черного моря. Со второй половины 1970-х годов здесь разрабатывается Голицинское месторождение, расположенное в Каркинитском заливе примерно в 72 км от Тарханкутского полуострова. В то же время необходимо четко представлять, что все это происходит и будет происходить в очень сложных условиях на значительном удалении от берега моря и требует исключительно высоких затрат как на поддержание высокого научно-технического уровня, так и на соблюдение всех природоохранных норм.

Крым обладает большими запасами гидроминеральных ресурсов, прежде всего рапы (концентрированного рассола солей) Сиваша, являющимся ценным сырьем для химических предприятий Перекопского промузла. Правда, применяемая для его добычи технология позволяет извлекать из рапы лишь

до 50% хлористого натрия, 13% двуокиси магния и только извлечение брома достигает 80%. В результате ежегодно безвозвратно теряется большое количество этих и других ценных компонентов рапы.

Другие соляные озера, а их в Крыму более 30, представляют собой уникальные месторождения лечебных грязей, ила, минеральной воды. В сочетании с климатическими факторами они являются ценным бальнеологическим ресурсом, перспективным для создания лечебниц и курортов. Однако, осваиваются они в интересах здравоохранения еще очень мало.

2. Ресурсопотребляющие и перерабатывающие отрасли. Они с естественными ресурсами связаны опосредованно через воздействие отходов этих отраслей на природную среду.

Одной наиболее ресурсопотребляющих отраслей Крыма является химическая промышленность, в которой используются ресурсы минеральных солей озер Сивашской группы и других соленых озер Крыма. Первые химические предприятия Крыма – Сакский (вступил в строй в 1917 г.) и Перекопский (1932 г.) заводы – выпускали бромные соединения. В 1960-е гг. дополнительным фактором размещения химического производства на севере Крыма стала днепровская вода, пришедшая по Северо-Крымскому каналу. Построенные здесь заводы по производству двуокиси титана, анилиноокрасочный, минеральных удобрений Перекопского промузла использовали преимущественно привозное сырье, а готовую продукцию почти полностью отправляли за пределы Крыма. Ориентировались они и на возможность сброса отходов в озеро Сиваш. Суммарный объем выбросов химических предприятий северокрымской группы достигал в конце 1980-х гг. до 60-70 тыс. т в год. К 1990-м годам безвозвратно было загублено около 43 км² Сивашского залива (Крым ..., 1995, с. 219).

Другой не менее ресурсопотребляющей отраслью Крыма является энергетика. Главными производителями электроэнергии являются тепловые электростанции Симферополя, Севастополя, Саки и Керчи (Камыш-Бурунская). Все, за исключением Камыш-Бурунской, использующей уголь, работают на газе, в режиме производства электроэнергии и тепла, т.е. являются теплоэлектроцентралями (ТЭЦ). Мощность Симферопольской ТЭЦ составляет 210 МВт, Севастопольской – 33 МВт, Камыш-Бурунской – 32 МВт и Сакской – 12 МВт. В 2019 г. введены в строй Балаклавская ТЭС и Таврическая ТЭС мощностью 235 МВт каждая. На всех них приходится 15% выбросов от всех веществ загрязняющих атмосферный воздух Крыма.

Из-за неблагоприятных экологических последствий использования теплоэнергетики, важную роль играют возобновляемые источники энергии. В этом случае Крым является уникальным регионом, в котором 5% всех потребностей в электроэнергии покрывается за счёт солнечной энергии и ветра. Тогда как в целом по России на долю возобновляемой энергетики приходится менее 1% генерации.

В 1986 г. вблизи г. Щелкино (мыс Казантип, Керченский п-ов) построена первая в мире солнечная башенная электростанция (СЭС-5) мощностью 5 МВт. В то время суммарная мощность всех остальных солнечных башенных электростанций в мире равнялась 21 МВт. В 1990-е гг. электростанция была закрыта. В 2010-2012 гг. были построены четыре фотовольтаические электростанции Родниковое, Охотниково, Перово, Митяево, общей мощностью 227,3 МВт.

В Крыму действуют шесть ветроэлектростанций (ВЭС). На них установлено 549 ветроагрегатов общей мощностью 64,22 МВт (Винник, 2015). В 2014 г. была запущена Останинская ВЭС мощностью 25 МВт, что позволило увеличить вы-

работку ветроэлектростанций сразу в два раза. Другие ветроэлектростанции: Сакская ВЭС 19 МВт, Тарханкутская ВЭС 15,9 МВт, Донузлавская ВЭС 10,9 МВт, Судакская ВЭС 6,3 МВт, Пресноводненская ВЭС 6 МВт.

В 2012 г. на Партизанском гидроузле возведена мини-ГЭС мощностью 1 МВт. Выработки электроэнергии идет на собственные нужды самой насосной станции.

3. *Природно-ресурсные отрасли.* Это те отрасли, которые используют природу в качестве источника для предметов труда и потребления и как средство их производства. К ним в первую очередь относится сельское хозяйство, а так же водное хозяйство (гл. 7).

Сельское хозяйство Крыма специализировано в зерново-животноводческом направлении, виноградарстве, садоводстве, овощеводстве, а также на возделывании эфиромасличных культур.

Современная система природопользования в Крыму отражает взаимодействие прошлых и современных факторов. Это проявляется прежде всего в характере территориальной структуры земельных угодий. Большие площади заняты пашней. В равнинной части полуострова доля пашни больше.

Ведущим за последние сто лет остается зерновое хозяйство, в основном пшеница и ячмень. Незначительная часть приходится на кукурузу – фуражную высокобелковую культуру. Значительная доля зерна (до 70%) потребляется в животноводстве.

В структуре сельскохозяйственных угодий относительно высока доля садово-овощных культур. Благоприятные природно-климатические условия позволяют получать урожай овощей 200 ц/га и выше на значительных площадях равнинного Крыма. Плодоводство отличается относительно высокой степенью территориальной концентрации в предгорье Крыма.

4. *Ландшафтопользование.* Под ним в данной работе понимается использование природных ландшафтов для размещения и развития рекреации. Наряду с известными крымскими курортами морских побережий, в Крыму целям рекреации служат месторождения лечебных грязей. В настоящее время из них интенсивно осваивается только Сакское месторождение, илами которого снабжаются здравницы Сакского и Евпаторийского грязевых курортов. Остальные месторождения - грязи Евпаторийской, Тарханкутской, Чонгаро-Арабатской и Керченской групп озер практически не используются, хотя обладают значительными запасами.

На восточном берегу озера Чокрак в северной части Керченского полуострова имеются сероводородные источники и самоизливающиеся скважины, насыщенные сероводородной водой, запасы которых составляют 6600 м³/сутки. Ранее здесь функционировал основанный еще в XIX в. бальнеогрязевой курорт, Комплексное пользование Чокракскими иловыми грязями в сочетании с сероводородными минеральными водами представляет собой уникальную сырьевую базу, перспективную для создания здесь лечебного курорта.

5. *Опытно-заповедное хозяйство,* использующее природу как полигон для исследования, для ее сохранения.

Территории и объекты природно-заповедного фонда являются важнейшим элементом экологического каркаса Крыма. В Крыму 135 территорий и объектов природно-заповедного фонда общей площадью 114,3 тыс. га, в том числе 40 объектов общегосударственного значения площадью 99 тыс. га и 95 объектов местного значения площадью 152,7 тыс. га (Ена и др., 1999). Занимаемая ими площадь составляет 4,4% от площади Крыма, что примерно в 1,5 раза ниже рекомендуемого ООН для уровня заповедной насыщенности.

Основу заповедного фонда Крыма образуют 4 государственных природных заповедника, на долю которых приходится 43,8% заповедной площади полуострова.

1) Крымский заповедник охраняет горно-лесные, нагорно-лугово-лесные и субсредиземноморские уникальные ландшафты горной части полуострова. Он был создан в 1923 г. и располагается на площади 33,4 тыс.га.

2) Ялтинский горно-лесной заповедник расположен на западе Крымского южного бережья. Он создан в 1973 г. и имеет площадь 14,6 тыс.га.

3) Заповедник «Мыс Мартьян» расположен в центре Южного берега и охраняет уникальный субсредиземноморский ландшафт с реликтовой вечнозеленой древесной растительностью. Заповедник создан в 1973 г., его площадь всего 240 га.

4) Карадагский заповедник охватывает на востоке Крымского южного бережья территорию древневулканического горно-лесного ландшафта. Он создан в 1979 г., площадь его 2,8 тыс. га.

Кроме того, в Крыму образовано 33 государственных природных заказника. Их общая площадь – 51,7% всего заповедного фонда полуострова. Имеется также 87 государственных памятников природы (2,4% общекрымской заповедной территории). В заповедно охраняемую сеть Крыма включены также 10 государственных заповедных урочищ (1,4% общей площади заповедного фонда) и 24 крымских памятника-парка (0,7% площади заповедного фонда).

Одним из результатов индустриального развития является концентрация промышленного производства в городах, и соответственно, рост урбанизации. Поэтому в Крыму к индустриальным типам природопользования наряду с горнодобывающими, перерабатывающими отраслями (энергетика, металлургия, химическая промышленность, предприятия строи-

тельных материалов, машиностроения), входящими в первые две группы природопользования, следует отнести систему расселения, главным образом городские поселения.

Следует заметить, что каждая из отраслей природопользования имеет присущие ей особенности территориальной структуры. Узловые и групповые принципы размещения промышленных отраслей и городских агломераций нашли отражение в крупноочаговой форме территориальной организации.

Территориальная организация третьей группы природопользования, включающей отрасли, широко использующие природу как продуктивное угодье и относящиеся к преимущественно аграрному типу природопользования, ареальная. Исключения на мелкомасштабном уровне генерализации составляют сельские поселения, животноводческие комплексы и прочие агропромышленные предприятия.

Четвертая и пятая группы, относящиеся к рекреационному типу природопользования, для которых природные свойства ландшафта – главное условие их размещения, имеют дисперсные формы территориальной организации природопользования или ландшафтопользования.

Таким образом, с учетом особенностей территориальной структуры в Крыму можно выделить следующие типы природопользования.

1. Индустриальный тип природопользования. К нему относится концентрирующее промышленное производство крупные города Крыма – Симферополь, Севастополь, Керчь. В них проживает 62,5% всего городского населения Крыма. В территориальном разделении труда они выделяются промышленной специализацией преимущественно трудоемких производств – машиностроение, энергетика, легкая промышленность. В середине 2010-х годов в них сосредоточивалось большинство занятых по Крыму в таких отраслях, как хими-

ческая и легкая промышленность (Симферополь). Это особенно сказывалось на экологической обстановке в регионе. Так, в Симферополе общие выбросы вредных веществ в атмосферу составляют более 20% от общих выбросов по Крыму.

Для территории этих городов и их ареалов характерно комплексное природопользование: ландшафтопользование в сочетании с ресурсопотреблением, т. е. сочетание определенных свойств природного ландшафта как условие размещения и развития в данном месте хозяйственной деятельности и расселения.

II. *Индустриально-аграрный тип*. К нему относятся территории городов и прилегающих к ним районов с высокой степенью освоенности как сельскохозяйственной, так и промышленной. В равнинной части Крыма – это Армянско-Красноперекоский и Джанкойский промышленно-городские районы. В них высокий процент занятости в промышленности, строительстве и на транспорте – 50-60%. Джанкой выделяется машиностроением (в ней занято 12% от всех работающих в Крыму в этой отрасли), Красноперекоск и Армянск химической промышленностью (10% занятых от всех работающих в Крыму в этой отрасли). В городах предгорного Крыма – Бахчисарай, Белогорск, Старый Крым – занятость в промышленности, строительстве и на транспорте чуть ниже – от 36% до 50%. Особенностью этих городов является сравнительно высокая доля занятости среди горожан в сельском хозяйстве (6-12%).

III. *Аграрно-индустриальный тип*. К нему относятся большинство районов равнинного Крыма: а) с резким преобладанием сельского хозяйства, ресурсопользование, т.е. использование природы как средство производства продуктов природного происхождения, базирующееся на возобновляемых исчерпаемых ресурсах; б) с преобладанием сельского хозяйства в сочетании с ресурсодобычей (разработка строительных материалов, добыча железной руды – Ленинский район).

IV. Рекреационно-индустриальный тип. К нему относятся городские территории Феодосии и Саки. Феодосия, находясь в рекреационной зоне восточного побережья, в основном выполняет функции промышленного и транспортного узла (более 50% от общего количество занятых) и одного из центров легкой промышленности (15% от всех занятых в этой отрасли в Крыму). Саки сочетает функции центра химической промышленности (30% от всех работающих в Крыму в этой отрасли) и рекреации (занято 50% трудоспособного населения города). При этом типе природопользования наиболее важное значение приобретает проблема сочетания ландшафтопользования с ресурсопотреблением, вступающих друг с другом в противоречие. Из-за более высоких для целей рекреации экологических требований более остро стоит проблема загрязнения и выбросов промышленных отходов в природную среду.

V. Рекреационно-аграрный тип. Им охвачено преимущественно побережье Крыма, где в 3-х километровой зоне проживает 50% населения полуострова, являясь наиболее плотно заселенной в Крыму. Плотность населения здесь составляет более 350 чел./км² (для сравнения – в горах плотность населения составляет 10, в предгорьях 170, на равнине 40 чел./км²). Но и на побережье население размещено крайне неравномерно. На южном берегу Крыма в районе Алупки, Ялты и Алушты – 1600 чел./км², на юго-восточном берегу в районе Судака – 400 чел./км². Менее заселены западное побережье (Евпатория) и восточное побережье, 300 и 200 чел./км² соответственно. С плотностью населения значительно коррелирует и нагрузка на природные комплексы и социальную инфраструктуру. Города-курорты побережья преимущественно узкоспециализированы. Доля занятых в рекреационном хозяйстве составляет 60-70%.

Помимо побережья к рекреационно-аграрному следует отнести ряд районов предгорного и горного Крыма, привлекаемых с природной, лечебной и исторической точек зрения для целей туризма и рекреации. Из-за этого, к примеру, в Старом Крыму доля работающих в рекреационном хозяйстве составляет существенную часть – 30% от общего количества за-

нятых. Ландшафтопользование для целей рекреации при этом типе природопользования удачно сочетается с ресурсопользованием сельского хозяйства, направленного на удовлетворение потребностей рекреантов. Тем не менее, роста численности местного населения на побережье, более чем в два раза выше темпов прироста мест в сети здравниц. Эта тенденция сопровождается развитием нереакреационной застройки, приводящей к снижению удельного значения рекреационного хозяйства в общем балансе земельных ресурсов.

Размещение в границах городских поселений на побережье Крыма промышленных и коммунально-складских объектов с жилым фондом местного населения сопровождается отчуждением земельных ресурсов и ухудшением свойств природного комплекса, которые оказывают отрицательное влияние на территориальную организацию рекреационного хозяйства.

В процессе индустриального развития и отраслевой специализации Крыма его территориальные различия по типам природопользования стали отражением особенностей использования природных ресурсов, антропогенных нагрузок и выполняемых производственных функций (табл. 3).

Кроме того, необходимо учитывать территориальную дифференциацию антропогенного давления на природную среду. Для этого можно использовать коэффициент техногенной нагрузки (в условных энергетических единицах). Каждому типу природопользования (отрасли) можно определить «вес» в соответствии с его долей в энергопотреблении. Например, «вес» промышленности – 0,4, сельского хозяйства – 0,35, коммунально-бытового хозяйства – 0,25, рекреации – 0,2. Нормирование было проведено по алгоритму, рекомендуемому для создания оценочных интегральных карт (Тикунов, 1997). В результате интегральный показатель – коэффициент техногенной нагрузки на территорию – был рассчитан от 0 до 1. Это позволило нанести в виде изолиний коэффициент техногенной нагрузки на территорию Крыма на карту (рис. 15).

Таблица 3.

Современные типы природопользования Крыма

Тип природопользования	Административные и физико-географические районы
I. Индустриальный	
ландшафтопользование в сочетании с ресурсопотреблением и ресурсодобычей	Симферопольский, Севастопольский, Керченский городские
II. Индустриально-аграрный	
ресурсопотребление, ресурсодобыча в сочетании с ресурсопользованием	Армянско-Краснопереконский, Джанкойский городской, Горный Крым (Белогорский, Симферопольский, Бахчисарайский районы)
III. Аграрно-индустриальный	
а) ресурсопользование	Тарханкутский п-ов, Присивашье, Центральный Крым
б) ресурсопользование в сочетании с ресурсодобычей	Керченский п-ов
IV. Рекреационно-индустриальный	
ландшафтопользование, ресурсопотребление	Феодосийский и Сакский городские
V. Рекреационно-аграрный	
ландшафтопользование в комплексе с ресурсопользованием	прибрежные районы (включая гг. Евпатория, Алушка, Ялта, Алушта, Судак)

ГЛАВА 7

ИСТОРИЯ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМА

История природопользования в Крыму – это прежде всего история водопользования. Из-за засушливого климата и недостаточной обеспеченности водными ресурсами у всех народов, населявших Крымский полуостров, в разные исторические эпохи умение пользоваться водой являлось важным элементом культуры природопользования. При отсутствии современных технических возможностей, в деле водопользования главным был накопленный поколениями опыт искусства бережного использования водных ресурсов.

Наиболее ранние дошедшие до нас свидетельства о существовании культуры водопользования на территории Крыма связаны с древнегреческим населением античных приморских городов-полисов, где существовали водопроводы, акведуки, подземные водосборные галереи и каптажи (Вахрушев Б.А., Вахрушев И.Б., 1999). В долинах рек северного и южного склонов Крымских гор уже тогда на высоком уровне развития находилось плодоводство и виноградарство, и это несмотря на непростой водный режим крымских рек. Абсолютное большинство из более чем 1500 рек Крыма весьма малы как по длине речной сети и величине площади водосборного бассейна, так и по среднегодовому стоку воды. Кроме того, крымские реки являются типично горными реками, с чрезвычайно

большими и быстрыми колебаниями расходов и весьма большим, стремительным течением. Наибольшее число паводков приходится в июле и августе.

Сток крымских рек составляет 485 млн м³. В маловодные годы общий сток воды за год снижается до 100-120 млн м³. В многоводные же годы он достигает 700-720 млн м³. На протяжении года, в отдельные месяцы, расход воды колеблется в сторону уменьшения или увеличения в 2-3 раза. В частности, за три засушливых месяца (август-октябрь), суммарный сток составляет 6-10 % годового стока.

Большое значение для водопользования имеют родники и мелкие источники горного Крыма. Всего их насчитывается по южному и северному склонам более 2700. Мощность этих источников во многом зависит от размера, площади и объема горного массива той части яйлы, на склоне которой они выходят. Из общего числа источников большинство приходится на южный склон – около 1500. Однако общий расход всех источников распределяется примерно поровну между источниками северного склона и источниками южного склона. Что касается источников степного Крыма, то их здесь сравнительно мало и, кроме того, они маловодны.

У татарского населения горного Крыма отношение к родниковой воде было не менее трепетным, чем у древних греков. Смешиваясь с ранее населявшими Крым народами (потомками готов, гунуэзцов, греков) и впитывая их традиции, горные татары овладели искусством ведения южного хозяйства. В засушливом Крыму для традиционных форм земледелия и садоводства требовались особые навыки (Марков, 1995). С целью бережного использования воды, при выходе на поверхность наиболее крупных и значимых источников, сооружались искусные гидротехнические сооружения – каптажи, собирающие, транспортирующие и регулирующие подземный сток (Душевский и др., 1998). Для увеличения дебита

родника, сохранения от заиления и загрязнения его подземный водоток нередко заключался в каменную галерею-туннель, которая не только собирала инфильтрационную воду, но и являлась мощным конденсатором атмосферной влаги в сухое время года (Коваленко, 2001).

Большой знаток Крыма М. Волошин писал: «... турки и татары были великими мастерами орошения. Они умели уловить самую мелкую струйку почвенной воды, направить ее по глиняным трубам в обширные водоемы, умели использовать разницу температур, дающую выпоты (скапливание – ред.) и росы, умели как кровеносной системой оросить сады и виноградники по склонам гор».

Это касалось не только татар и турок, но и других народов проживающих здесь, например, армян и карамимов. В средние века в генуэзском г. Кафа (Феодосия), переименованном потом турками в Кефе или, как часто они его называли, Кучук-Стамбул (маленький Стамбул), питьевая вода для сотысячного населения города – примерно столько сколько и в настоящее время – поступала исключительно через гидротехническую систему, находящуюся за чертой города на склонах Феодосийских гор (Тете-Оба). Эти горы бедны поверхностными водами. Водоносность горизонтов слабая и количество воды в них изменчиво в течение года. Немногочисленные и необильные естественные родники не могли удовлетворить потребности достаточно крупного города.

Среднегодовое количество осадков на Феодосийских горах соответствует таким же значением испарения (366 мм в год). Для решения проблемы водопользования большое значение приобретают усилия по избежанию испарения выпавших осадков, а также удержание их от безвозвратного стока в море. Поэтому на склонах гор была создана сеть особых гидротехнических сооружений. К ним относились многочисленные колодцы, запруды в балках, дренажи, а также устраивалось замысловатое распределение воды по крутым и неудобным склонам гор.

Рис. 16. Схема гидротехнической системы древней Феодосии

Для задержания дождевой воды естественным было запрудить какую-либо балку плотиной, а чтобы сохранить воду как можно дольше и воспрепятствовать скорому ее испарению, надо было набросать камня или щебня, поскольку и глина для плотины, и щебень были под рукой. В то же время, из-за недостижимости полной непроницаемости плотины, а также для просачивания воды вниз и очистки ее от мусора и грязи, устраивалась в балке целая систем запруд-фильтров, одна ниже другой. Внизу балки сооружался колодец-накопитель, а от него закладывалась водопроводная труба, направлявшаяся к одному из городских фонтанов (так русскоязычное население Крыма называло каптированные источники) (рис. 16). В городе и его окрестностях в середине XVI в. насчитывалось более 100 таких фонтанов (рис. 17, 18).

Кроме запруд-фильтров имелись еще щебневые канавы. В конце 1850-х годов при исследовании Феодосийских гор с целью поисков источников водоснабжения для города и будущего вокзала строящейся Московско-Феодосийской железной дороги, были обнаружены на склонах следы таких канав, наполненных щебнем. Они располагались по склонам в шахматном порядке.

Рис. 17. Армянский или Караимский фонтан, сооружен в 1586 г. Находится у подножия горы Митридат, недалеко от места, где родился Айвазовский.

Рис. 18. Вид Армянского (Караимского) фонтана в наши дни.

Особый интерес представляют собой щебневые кучи, обнаруженные главным лесничим Феодосийского лесничества Ф.И. Зибольдом в начале XX в. (Городов и др., 1997). Всего таких куч на Феодосийских горах им было обнаружено 10, из которых 5 были детально обмерены. Эти кучи, имеющие объем более тысячи кубических метров служили аккумуляторами дождевых вод, а в летние засушливые дни конденсаторами атмосферной влаги. Кучи имели хотя и не совсем правильную, но в целом конусовидную форму. Вверху имелась более или менее глубокая воронка, а по направлению водостока подкововидная впадина. Во-первых, такое устройство позволяло наиболее эффективно задерживать и накапливать атмосферные осадки. Располагались кучи на выходе скалистых пород, служащих водоупором. Собиравшаяся на водоупорном дне куч вода отводилась или по гончарным трубам или по щебневым канавам. Во-вторых, из-за такой формы максимальному нагреванию кучи соответствовала минимальная площадь нагрева. Вследствие этого, внутри кучи в разный момент дня нагревание должно быть крайне неравномерным, а это должно повлечь за собой возникновение конвекционных потоков, постоянно меняющих свое направление (Зибольд, 1905).

Кучи-конденсаторы располагались на горных склонах, высоко над уровнем моря, в местах совершенно открытых, а потому в большой мере подверженных нагнетательному действию ветров, дующих здесь, согласно данным Феодосийской метеостанции, со средней годовой скоростью 6,7 м/с. Причем на северных, обращенных к морю, склонах, где располагались щебневые кучи, ветры дуют со средней скоростью 7,5 м/с и на них за год приходится 45% всех ветров.

Объем массы щебня составляет 70% от массы щебневых куч-конденсаторов. Это существенно для теплопроводности

кучи. Чем более она проницаема для такого плохого проводника, как воздух, тем она менее способна к нагреванию. Поэтому щебневая куча на известной глубине нагревается значительно меньше, чем окружающие ее породы, что является благоприятным обстоятельством для конденсации воды. Это же подтверждают и достаточно высокие, особенно в мае-августе, значения средней абсолютной влажности ($11,7 \text{ г/м}^3$) и разницы температур воздуха и почвы на глубине двух метров ($12,4^\circ \text{C}$). Подобно феодосийским такие же сооружения существовали в Крыму в районе Керчи, Евпатории и древних крепостях горного Крыма.

После присоединения Крыма к России, в культуре водопользования наступил новый этап, окончательно сформировавшийся к концу XIX в. После того как значительная часть крымскотатарского населения эмигрировало в Турцию, воспитанное вековыми традициями трепетное отношение к источникам воды стало постепенно угасать. У новых переселенцев из равнинных территорий России, лишенных самого понятия о горном источнике, исторически сложился свой собственный тип водопользования, который они и принесли в Крым: по всему Крыму строились водопроводы и рылись артезианские колодцы, а о воде горных источников начали забывать.

В середине XIX в. из-за отсутствия представлений о механизме функционирования древние гидротехнические сооружения пришли в негодность. Дело в том, что те, кто занимался хозяйственным освоением склонов Феодосийских гор, находя участки древнего водопровода, без всякого стеснения отводили воду для удовлетворения своих нужд. Таким образом, нарушалась целостность системы. Кроме того, подчас закладывали новую водопроводную линию от мнимых источников, образовавшихся, может быть, вследствие перелома

старой водопроводной трубы. Эти источники вскоре пересыхали. Причем вероятно в целях экономии, очень часто для новых линий использовали трубы от разобранного старого водопровода, чему было немало примеров в 1830-х годах (Городов и др., 1997).

С ростом распашки целинных земель во второй половине XIX в. были предприняты меры к поиску новых водных источников. В различных местах степного Крыма приступили к бурению артезианских скважин, устройству запруд на реках предгорного Крыма, регулированию поверхностных вод. Но все эти мероприятия, за очень редкими, единичными исключениями, не давали желаемых результатов. Глубочайшая в середине прошлого века во всей Европе Айрбарская артезианская скважина (около 470 м глубины), которая не оправдала надежд, несмотря на огромные затраты, служит тому доказательством (Москвич, 1901). В начале 1880-х гг. в окрестностях Феодосии было сооружено устройство для собирания и утилизации атмосферных вод. Но и эта попытка оказалась по результатам безуспешной.

Тогда же, в силу особенности культуры хозяйствования русского населения, предположили, что недостаток в водоснабжении связан с обезлесением Крымских гор. Действительно, из-за особенностей геологического строения (широкое развитие известняков, подверженных карсту) в субтропической средиземноморской зоне, к которой относится южный Крым, роль леса существенна. Сведение лесов приводит к развитию эрозии, активизации карста и падению уровня грунтовых вод. В этих климатических условиях значительна роль леса в так называемых «горизонтальных осадках» (конденсация атмосферной влаги растительностью). По данным Крымской горно-лесной станции, например, буковый лес получает за счет них 250 мм в год, молодой сосновый лес – 60

мм в год (Ведь, 1974). Но эти величины практически компенсируются повышенной транспирацией, в связи с чем теряют свое значение. Обо всем этом тогда не имели представления, поэтому посадке новых насаждений придавали первостепенную роль. Лесопосадочным мероприятиям придавалось излишне большое значение, но эти мероприятия в природных условиях Крыма не были столь эффективны.

Было предпринято три попытки по лесоразведению в горах Тете-Оба (или Феодосийские горы). Первая в 1878-1888 гг., когда в целях лучшего задержания дождевых вод, стекающих по склонам, предполагалось дать склонозащитным посадкам перпендикулярное скату направление. В действительности же, при рытье канав для посадок не придерживались такого направления, и они во время ливневых осадков были размывы. Вторая попытка была предпринята в 1900 г., когда решили террасировать склоны. Но далеко не все склоны могли быть террасированы. Если угол падения склона составляет меньше 12° и больше 40° , то правильное террасирование с образованием канав и с насыпкой вала становится невозможным. Средний угол наклона Феодосийских гор не превышает 10° и поэтому эффект удержания влаги с помощью террас очень низкий. С учетом опыта двух предыдущих попыток в 1903-1907 гг. был выполнен весь комплекс работ по сооружению лесозащитных полос. Но после завершения работ было выяснено следующее:

- 1) Система водосборных канав не оправдала ни сил, ни средств, которые были затрачены на ее устройство, кроме того, требовались постоянные затраты на поддержание их в должном порядке, так как нередко канавы или размывались, или выветривались, или засорялись намываемыми отложениями, а посадки не успевали прижиться и погибали, то есть

затраты на проведение работ были несопоставимы с получаемым эффектом;

2) При террасировании склонов, если откос террас был слишком большим, начинался дренаж воды, особенно нежелательный в засушливый период;

3) Произраставший на вершине Тете-Оба кизлярник, считавшийся остатком древнего лесного массива, после детального изучения оказался более позднего происхождения, а значит не имел водосберегающего значения в историческое время;

4) Склоны гор сложены водонепроницаемыми породами. В канавах на таких породах во время сильных дождей и ливней накапливалась вода, она застаивалась в течение нескольких недель и испарялась, не увлажняя подпочвенную поверхность. Таким образом лесозащитный вал оставался сухим;

5) Для глубококоренящейся древесной растительности на склонах, сложенных плотными водоупорными породами, существенное значение имеют только дожди, дающие суточное количество осадков не менее 10 мм. Дней с такими дождями всего 6 из 52 за вегетационный период. Существенное значение имеет и продолжительность засушливого периода, а она составляет 76% вегетационного периода. Кроме того, эффективно увлажнению склонов мешала на южной экспозиции сильная инсоляция, а на северной – ветры с силой 7,5-8 м/сек. Из-за этого влажность вала на протяжении всего года была на несколько процентов меньше целинных степных почв, лежащих к северу от Феодосийских гор (Зибольд, 1907).

Предпринятые впоследствии гидрогеологические изыскания привели к тому, что в горах Агармыш, расположенных более чем в 40 км к западу от Феодосии, были обнаружены водные источники близ деревни Субаш с общим расходом

Рис. 19. Водоразборная будка-фонтан Феодосийско-Субашского водопровода в Татарской слободке, 1888 г.

Рис. 20. Фонтан Айвазовского, 1888 г. Сооружался по проекту и на средства художника И. К. Айвазовского, является копией османских фонтанов Константинополя. Подключался к Феодосийско-Субашскому водопроводу.

воды 35-110 л/сек. В 1887 г. уроженец Феодосии знаменитый художник И.К.Айвазовский, которому принадлежали тогда эти источники, подарил городу право пользоваться из них водою в количестве 50 тыс. ведер в сутки (около 600 тыс. л). Такое же количество воды из Субаша стали использовать в 1894 г. для нужд построенного морского порта. Таким образом, потребности разросшегося 30-тысячного города были на какое-то время удовлетворены.

Поиски же пресной воды в окрестностях Феодосии не прекращались. Но они привели лишь к открытию в 1904-1913 гг. лечебных минеральных вод «Феодосия» и «Крымский нарзан». В 1930-х годах Феодосия стала снабжаться водой из еще более удаленного, чем Субаш источника. В Приазовских песках в северной части Керченского полуострова была обнару-

Таблица 4

Водопотребление в Крыму (1940 г.)

Основные группы водопотребителей	млн м ³	%
Жилищно-коммунальное хозяйство	15,8	7,5
Сельское хозяйство	187,0	88,8
в том числе на орошение	175,0	83,1
Промышленность	6,0	2,8
в том числе металлургия и химическая	4,2	2,0
Транспорт	2,0	0,9
Итого	210,8	

Источник: Магакян, 1944, с. 144.

жена артезианская вода. Тогда артезианские воды за счет более совершенных технических средств все более широко стали использовать для орошения степных районов Крыма. Правда, эффективность использования артезианских скважин была низкой – половина извлекаемой воды уходило на потери (Магакян, 1944).

Таблица 5

Размещение орошаемых площадей по административным районам Крыма (1940 г.)

Физико-географические и административные районы	Пл-дь орошаемых земель (га)	Физико-географические и административные районы	Пл-дь орошаемых земель (га)
Равнинный Крым	17177	Горный и предгорный Крым	22043
Ленинский	112	Балаклавский	1377
Маяк-Салынский	106	Куйбышевский	1690
Кировский	223	Бахчисарайский	3435
Ичкийский	692	Симферопольский	4359
Сейтлерский	5947	Зуйский	1125
Колайский	1933	Карасубазарский	2446
Джанкойский	2562	Старокрымский	2263
Красноперекопский	1578	Судакский	2043
Лариндорфский	656	Алуштинский	1985
Фрайдорфский	-	Ялтинский	1320
Тельмановский	352	Итого по Крыму – 39220	
Биюк-Онларский	160		
Сакский	2204		
Евпаторийский	199		
Ак-Мечетский	56		
Ак-Шейхский	397		

Источник: Магакян, 1944, с.146.

В 1940 г. в Крыму орошалось 39,2 тыс. га. На орошение ежегодно расходовалось 175 млн м³ из 210 млн м³ общего водопотребления Крыма (табл. 4). При этом основная часть орошаемых земель все еще приходилась на горные и предгорные районы Крыма – 56% (табл. 5). Поэтому к речной сети, наиболее густой в горах и предгорьях, было приурочено 68,4% от всей площади орошения. Из речного стока на орошение шло 115 млн м³, т.е. 25% годового стока крымских рек. На 31,6% орошаемых земель использовались подземные и артезианские воды. Из всех орошаемых земель 76,3% приходилось на сады и огорода, там где с наибольшей эффективностью можно было использовать воду.

В середине XX в. Крыму отводится роль поставщика сельскохозяйственной продукции. С помощью мелиорации предполагается поднять урожайность зерновых и кормовых культур с целью увеличения производства животноводческой продукции. Для этого приступают к реализации проекта переброски в Крым вод р. Днепр. К строительству Северо-Крымского канала (СКК) приступили в 1961 г. Уже через два года днепровская вода пришла на крымскую землю, а первая очередь строительства канала была завершена в 1977 г. За счет нее было введено в оборот 184,7 тыс. га орошаемых площадей. В 1977-1986 гг. велось строительство второй очереди с вводом в эксплуатацию еще 80 тыс. га орошаемых земель. В 1986 г. начато строительство третьей очереди канала с вводом в эксплуатацию 88 тыс. га орошения. В итоге днепровская вода позволила увеличить площади орошаемых земель с 39,3 тыс. га (1940 г.) до 400 тыс. га (1994 г.), что составило 20% всех сельскохозяйственных угодий. В 1996 г. предполагалось, но не началось строительство четвертой очереди.

Казалось бы, за счет Северо-Крымского канала проблема с водопотреблением была решена. Однако не существует рас-

четов, учитывающих убытки, причиняемые последствиями орошения: значительным расходом электроэнергии, поддержанием функционирования канала, подтоплением и ухудшением экологического состояния земель. Однобокое упование на технику привело к упущению негативных экологических последствий, при строительстве канала они не были до конца просчитаны.

Строительство оросительной системы не сопровождалось одновременным вводом в эксплуатацию коллекторно-дренажной сети. Из-за этого в Присивашье начали бурно развиваться процессы засоления и заболачивания, что заставило ряд площадей сразу исключить из освоения.

Из свыше 300 км канала только треть имеет бетонно-пленочное противодиффузионное покрытие. Отсутствие его приводило к подъему уровня грунтовых вод на близлежащих землях, что вело к вторичному засолению сельскохозяйственных земель, площадь которых после ввода первой очереди СКК уже составляла 20 тыс. га.

С целью компенсировать большую утечку воды из канала (до 40%) стали увеличивать потребление воды из подземных источников. Интенсивность использования подземных вод превысила величину их эксплуатационных запасов в 1,5 раза. Причем, парадоксально, максимум водоотбора подземных вод приходился на 1974-1978 гг., то есть в период, когда Северо-Крымский канал уже действовал. Сложилась абсурдная с точки зрения разумного природопользования ситуация, когда подземные воды в зоне канала используются на орошение, а воды Днепра тратятся на их восполнение путем закачки в подземные горизонты для восполнения запасов и уменьшения минерализации грунтовых вод.

Что касается собственных водных ресурсов, то основной поверхностный сток зарегулирован сотням прудов и 20 крупными водохранилищами. Среди них Симферопольское (с объемом воды 36,0 млн м³) на р. Салгир, Чернореченское (64,0) на р. Черной, Тайганское (13,8) на р. Бююк-Карасу и др. (рис. 21).

Формирование экологической обстановки прямо связано с характером природопользования, которое является итогом сложного взаимодействия природно-ресурсного потенциала и исторических факторов. Современные типы природопользования Крыма в основном сформировались в условиях индустриальной экономики. Ведомственный характер управления развитием экономики, игнорирование культурно-исторических особенностей региона привело к тому, что возобладали отраслевые подходы к территориальной организации природопользования. Это, привело не только к деградации традиционного природопользования, но и к повсеместному усилению неадаптированности природных систем к изменениям, порожденным индустриальными способами природопользования.

В то же время, современная экологическая ситуация стала отражением доминирующей в индустриальном обществе идеологии противопоставления человека природе. Это противопоставление, в конечном счете, явилось основой для формирования расточительной экономики и представлений о даровом характере природных ресурсов.

В процессе индустриализации ориентация, прежде всего на растущие материальные потребности привела к созданию в Крыму крупных химических производств, строительству Северо-Крымского канала и некоторых других объектов, определивших значительное ухудшение экологического состояния Крыма.

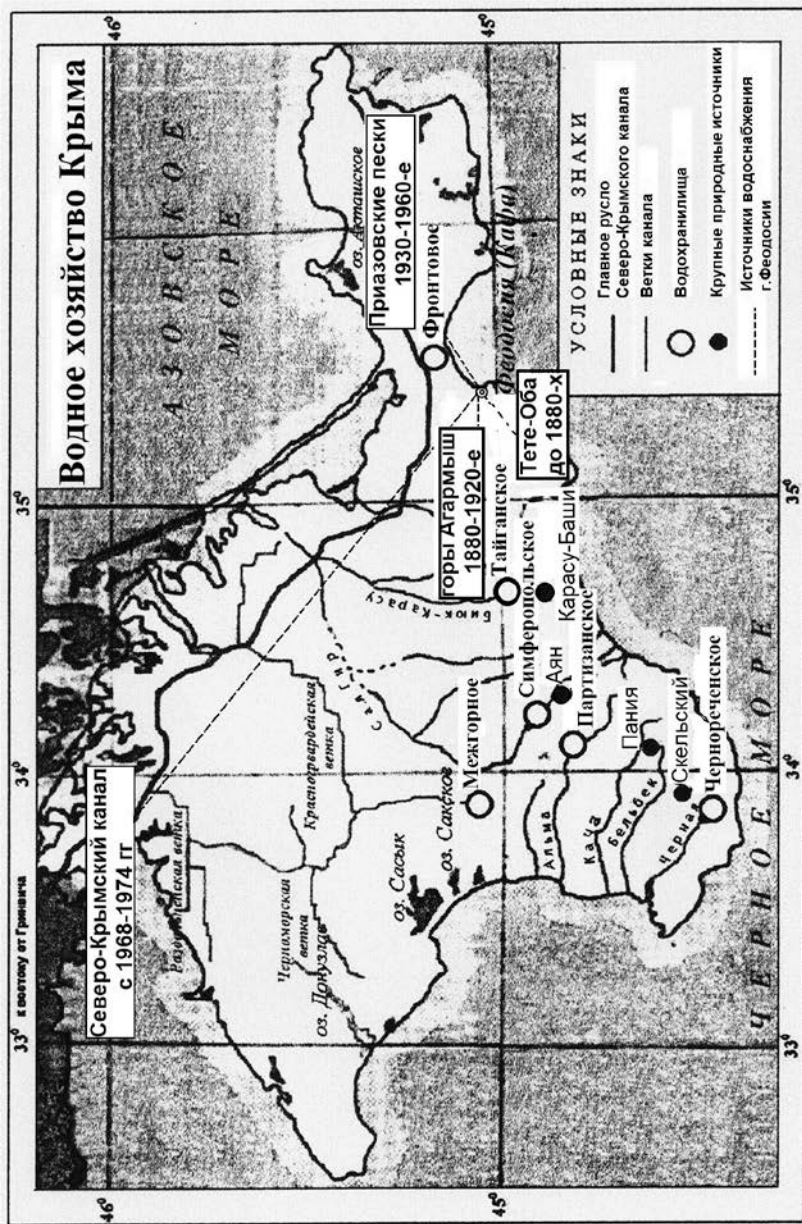

Рис. 21. Водное хозяйство Крыма.

Еще одним фактором, определяющим современные экологические проблемы Крыма является то, что в процессе общественно-экономических и технологических изменений природные условия могут определять как положительные, так и отрицательные предпосылки формирования экологического состояния и степень благоприятности или неблагоприятности местоположения. Например, если в условиях допромышленного развития положение населенных пунктов в межгорном понижении, котловинах, долинах (Симферополь, Белогорск, Ялта и др.) являлось, безусловно, благоприятным (контакт гор и равнин, наличие рек, дополнительная сумма температур и др.), то с ростом городов, увеличением числа промышленных предприятий и автотранспорта, местоположение в межгорных котловинах переходит в разряд неблагоприятных.

Небольшое количество атмосферных осадков в равнинной части Крыма при высоких летних температурах определяют низкий коэффициент увлажнения, слабый прирост биомассы, относительную бедность почв питательными веществами. В прошлом эти недостатки природно-ресурсного и экологического потенциала преодолевались разумным природопользованием, основанном на ресурсосбережении (клеры Херсонеса), использовании в качестве пастбищных угодий (равнинный Крым), сохранении целинных земель (Присивашье), использовании сельскохозяйственных культур, приспособленных к местным условиям.

Индустриализация сельскохозяйственного производства внесла существенные изменения в способы и приемы землепользования. Широкое применение механизированной обработки, использование искусственных минеральных удобрений, внедрение монокультурных посевов, масштабные мелиоративные работы сопровождались существенным ростом продуктивности сельскохозяйственных земель. Но эффект от

применения индустриальных приемов землепользования не оказался столь долговременным. Это было связано в первую очередь с истощением природных ресурсов. Рост использования энергонасыщенной землеобрабатывающей техники привел к ухудшению физических свойств почвы, ее воздушно-водного режима, уменьшению гумуса, что отрицательно сказалось на плодородии (Альшеви, 1997). Выращивание в течение длительного времени одних и тех же культур при однотипной агрокультуре привело не только к уменьшению внутриландшафтной контрастности, но и к трансформации сельскохозяйственных земель, необратимому изменению их свойств в сравнении с исходным состоянием. Длительное внесение минеральных удобрений со временем перестало сопровождаться повышением урожайности основных посевных культур и приводило только к загрязнению сельскохозяйственных почв.

Высокая степень освоенности земельных ресурсов, широкое применение мелиоративных мероприятий, наличие очагов промышленного загрязнения способствовали антропогенной деградации природных ресурсов и возникновению экологических проблем на территории Крыма.

Формирование здесь современной эколого-экономической инфраструктуры (с учетом как положительного, так и отрицательного исторического экологического опыта) должно способствовать успешному социальному, экономическому, экологическому и рекреационному развитию Крыма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В вопросах взаимодействия природы и общества актуальны не только естественнонаучные, но и гуманитарные знания. Поэтому в рассмотрении теоретических представлений о природопользовании в географии важное место занимает междисциплинарный и проблемно-ориентированный подход.

В области теории природопользования необходимы комплексные методы изучения исторических и современных типов природопользования, которые связаны с региональной стратегией устойчивого развития. Принцип «устойчивости» интегрирует три тесно связанных элемента природопользования – «природа-население-хозяйство». В историческом процессе ценностные предпочтения каждого из них распределены неравномерно.

Вводится такое понятие как «исторические типы природопользования» – это исторически сложившиеся способы использования территории и ведения хозяйства, выработанные этносами в процессе хозяйственной адаптации к природным условиям территории или принесенные ими на осваиваемую территорию.

Изучение исторических типов природопользования включает в себя исследование природных условий и территориальных особенностей природопользования. На примерах из истории Крыма можно проследить как в процессе культурно-исторического развития территории тот или иной тип приро-

допользования отражал дифференциацию его природных условий.

Так, на протяжении всей многовековой истории в Крыму в основном сохранялось различие в природопользовании между кочевыми народами степного севера и оседлыми народами горно-приморского юга. Приведены примеры способов и приемов хозяйственной адаптации к географическим условиям у различных этносов, народов, населявших и населяющих Крым.

Кроме этого, можно проследить изменения способов и приемов природопользования в процессе исторических и этнических изменений на территории Крыма. Показаны хозяйственно-культурные, экологические, социальные особенности этих изменений при смене одних типов природопользования на другие.

Таким образом, необходимо учитывать исторический и экологический опыт природопользования, накопленный проживавшими и проживающими здесь народами, выработавшими способы и приемы хозяйствования с учетом природных особенностей Крыма. Многие ученые это предвидели давно. Выдающемуся русскому ученому В.В. Докучаеву принадлежат такие слова, сказанные более ста лет назад: «Только то прочно и устойчиво, только то и жизненно и выгодно, только то и имеет будущность, что сделано в согласии с природой» (Докучаев, 1953).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Алтабаева Е.Б., Коваленко В.В. На черноморском перекрестке: Крым с древнейших времен до конца XVIII века. – Симферополь: Таврия, 1997. – 256 с.
3. Альшеви Ф.С. Трансформация сельскохозяйственных земель равнинного Крыма // Культура народов Причерноморья. – 1997. №2. – С.16-18
4. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. – 1975. №3. – С. 57-72.
5. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
6. Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретические аспекты. – М.: Мысль, 1978. – 293 с.
7. Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
8. Ачкинази И.В. Крымчаки. Краткий очерк этнической истории // Сквозь века: Народы Крыма. – 1996. Вып. 2. – С. 4-15.
9. Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М.: Мысль, 1988. – 391 с.
10. Баранский Н.Н. Больше заботы о культуре географического описания // Вопросы географии. – 1950. Сб. 18. – С. 92-101.
11. Баранский Н.Н. Краткий курс экономической географии. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – 653 с.
12. Баранский Н.Н. Научные принципы географии. Избранные труды. – М.: Мысль, 1980. – 143 с.
13. Баранский Н.Н. О постановке курса экономгеографии (Доклад на конференции преподавателей экономических дисциплин в совпартшколах) / В кн. Вопросы преподавания экономических дисциплин. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – С.43-61.
14. Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема философии и метафизики техники // Вопросы философии. – 1989. №2. – С.147-162.
15. Бережанская Б.Б. Еврейские поселения // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1993. № 4. – С. 46-51.
16. Берёзкин М.Ю. Экологический опыт природопользования в контексте культурно-исторического развития Крыма // Проблемы региональной экологии, 2001. №6. – с. 94-102.

17. Берёзкин М.Ю. Конфликтное природопользование в Крыму / в сб. Проблемы геоконфликтологии. – М.: Пресс-Соло, 2004. Т.2. – с. 295-311.
18. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 208 с.
19. Богданова Н.М. Херсон X-XV вв.: проблемы византийского города // Причерноморье в средние века. – С.-П. - М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 87-102.
20. Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на Земле: основы этнографии. - М.: Госуд. изд-во, 1928. – 315 с.
21. Бондарев Л.Г. История природопользования. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 96 с.
22. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 390 с.
23. Бромлей Ю.В. Этнические общности – сложные, многомерные системы // Расы и народы. – 1988. Вып. 18. – С. 31-32.
24. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987. – 278 с.
25. Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // Советская этнография. – 1963. №1. – С. 5-17.
26. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Трагедия философии. Т.1. – М.: Наука, 1993. – 604 с.
27. Васюков С.И. Крым и горные татары. – С-Пб., 1904. – 123 с.
28. Вахрушев Б.А., Вахрушев И.Б. Роль карстовых конденсационных вод в водном хозяйстве античных и средневековых поселений Керченского полуострова // Культура народов Причерноморья. – 1999. №10. – С. 7-10.
29. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. — 807 с.
30. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – М.: Рос. НИИ культурного и природного наследия, 1997. – 224 с.
31. Ведь И. Горизонтальные осадки // Наука и жизнь. – 1971. №1. – С. 63-67.
32. Виниченко И.И. Население Крыма: численность и национальный состав в ретроспективе // Крым: проблемы истории. – 1997. Вып. 2. – С. 67-69.
33. Винник С. Откуда ветер дует / Российская газета - Экономика Крыма. № 16(6587). 29.01.2015
34. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
35. Ганжа А.Г. Инновация в системе "этнос - окружающая среда" / В сб. Этническая экология. Теория и практика / Отв. ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. – М.: Наука, 1991. – С. 140-148.
36. Географические научные школы Московского университета / под ред. Н.С. Касимова, А.М. Берлянта, С.А. Добролюбова, К.Н. Дьяконова, Н.С. Мироненко. – М.: Городец, 2008. – 680 с.
37. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Гл. ред. А.Ф. Трёшников. – М.: Совет. энциклопедия, 1988. – 432 с.

38. География в системе наук: Сб. науч. тр. /АН СССР, Геогр. об-во / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров – Л.: Наука, 1987. – 207 с.
39. География Крыма: Учебное пособие / Л.А. Багрова, В.А. Боков, Н.В. Багров. – Киев: Лыбидь, 2001. – 304 с.
40. География мирового хозяйства: Учебник / отв. ред. проф. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвел Медиа Интернэшнл, 2012. – 352 с.
41. Герасимов И.П. Избранные труды. Конструктивная география. – М.: Наука, 1996. – 144 с.
42. Глазовский Н.Ф. К формированию теории природопользования / В сб. Глобальные проблемы современности и комплексного землепользования. – Л.: Наука, 1988. – 273 с.
43. Городов М.И., Городов В.И., Сергеев Б.И. История водоснабжения Феодосии // Вопросы развития Крыма. – 1997. Вып. 4. – С. 93-100.
44. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 279 с.
45. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экспресс, 1993. – 544 с.
46. Дайнеко Л.И. Немецкие колонии в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. №5. – С. 58-70.
47. Дергачев В.А. Крым – евразийский микрокосмос // Известия РГО. – 1997. Т. 129. Вып. 2. – С. 22-28.
48. Докучаев В.В. Сочинения / под ред. Л. И. Прасолова, И. В.Тюрина / Организация почвенных учреждений и вопросы сельского хозяйства в России: статьи и доклады, популярные лекции. Т. 7. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953 – 504 с.
49. Дублянский В.Н., Дублянская Г.Н. Проблемы хозяйственного освоения закарстованных территорий Крыма // Вопросы развития Крыма. – 1995. Вып. 1. – С. 49-65.
50. Душевский В.П., Андреев М.И., Скорняков И.С., Коваленко И.М. Гидротехнический памятник Крымского предгорья // Природа Крыма. – 1998. № 3-4. – С. 17-20.
51. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 1998. – 288 с.
52. Евсеев А.В. Теоретические аспекты природопользования // География, общество, окружающая среда. – М.: Городец, 2004. Т.3. С. 34-50.
53. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В., Новосад В.В., Поповчук Е.С., Тарасюк Е.Е., Чепурко М.Л. Состояние и перспективы развития природно-заповедного фонда // Вопросы развития Крыма. – 1999. Вып. 11. – С. 145-155.
54. Жуков Н.Н. О древних гидротехнических сооружениях в окрестности Феодосии // Феодосийское общество по изучению Крыма. – 1931. Вып.1. – С. 15-19.
55. Зворыкин К.В. Географическая концепция природопользования // Вестник МГУ, сер. геогр. – 1993. №3. – С. 3-16.
56. Зибольд Ф.И. Работы по облесению склонов Феодосийских гор // Труды опытных лесничеств. – 1907. №7. – С. 14-34.

57. Зибольд Ф.И. Роль подземной росы в водоснабжении города Феодосии // Труды опытных лесничеств. – 1905. №3. – С. 387-412.
58. Зинченко Ю. Ю. Крымские татары. Исторический очерк. – К., 1998. – 205 с.
59. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 422 с.
60. Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 1995. №82. – С. 3-25.
61. Иноземцев В.Л. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973-2000) // Свободная мысль-XXI. – 1999. №7. – С. 3-27; 1999. №8. – С. 19-42.
62. Историческая география: Сб. статей / Отв. ред. В.К. Яцунский. – М.: Географгиз, 1960. – 268 с.
63. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. – 1947. – Сб.5. География населения. – С. 12-13.
64. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. – 214 с.
65. Клячин А.И. Динамика этнической системы расселения в Крыму // Этнографическое обозрение. – 1992. № 2. – С. 23-35.
66. Коваленко И.М. Культура водопользования народов Крыма // Ученые записки Таврического Национального Университета. – 2001. Вып. 14. – С. 70-74.
67. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии. // Этнографическое обозрение. – 1983. №1. – С. 3-18.
68. Козлов В.И., Покшишевский В.В. Этнография и география // Советская этнография. – 1973. №1. – С. 3-16.
69. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология / В сб. Этнология в США и Канаде / Отв. ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1991. – С. 86-107.
70. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
71. Котляков В.М., Глазовская Н.Ф., Руденко А.Г. Географический подход к проблеме устойчивого развития // Известия РАН, сер. география. – 1997. №6. – С. 8-15.
72. Котляков В.М., Трофимов А.М. и др. Комплексные эколого-экономические системы: проблемы изучения // Изв. РАН. Сер. географ. – 1999. №1. – С.7-12.
73. Красовская Т.М., Слипенчук М.В. Введение в природопользование / под ред. проф. А.В. Евсеева. – М.: Географический факультет МГУ, 2016. – 224 с.
74. Кришонас Р.Л. Географический фактор развития общества: эволюция концепций / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – 1989. – Вып. 10. – С. 50-73.
75. Крубер А.А. Общее землеведение. Ч.3. – М.: Гос. изд., 1922. – 404 с.
76. Кругликов И.Т., Хотинский В.А. Путешествие в загадочную Скифию. – М.: Наука, 1989. – 189 с.

77. Крым многонациональный. Вып.1 / Сост. Н.Г. Степанов. – Симферополь: Таврия, 1988. – 143 с.
78. Крым. Путеводитель. – Симферополь, 1914. – 242 с.
79. Кульпин Э.С. Основные понятия социоестественной истории // Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. – 1995. – Вып.5. – С. 173-185.
80. Культура Крыма на рубеже веков: Матер. респ. науч. конф. – Симферополь: Таврия, 1993. – 297 с.
81. Культурная география: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского. – М.: Институт наследия, 2001. – 192 с.
82. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования – М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – 104 с.
83. Куражковский Ю.Н. Очерки природопользования. – М.: Мысль, 1969. – 268 с.
84. Куртиев Р. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. – Симферополь: Таврия, 1998. – 141 с.
85. Лаппо Г.М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производственных сил СССР. – М.: Мысль, 1978. – 124 с.
86. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. – 1955. №4. – С. 3-17.
87. Лопатников Д.Л. Экологические перспективы постиндустриального мира. – М.: АБФ, 2006. – 312 с.
88. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 84 с.
89. Магакян Г.А. Водные ресурсы Крыма и их использование. Дис. ... канд. геогр. наук. Симферополь. 1944. – 194 с.
90. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
91. Марков Е.Л. Картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 543 с.
92. Машбиц Я.Г. Комплексное страноведение. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – 224 с.
93. Машбиц Я.Г. Парадигма целостной географии / В сб. Новое мышление в географии / Под ред. В.М. Котлякова. – М.: Наука, 1991. – С. 14-25.
94. Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география. Вопросы теории. – М.: Мысль, 1984. – 296 с.
95. Методика страноведческих исследований / под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 152 с.
96. Мирченко Л.В. Экологическая среда на территории Херсонесского государства в IV - III вв. до н. э. – Севастополь: Национальная АН Украины, 1996. – 47 с.
97. Моисеев Л.А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеийском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1926. Т. IX. – С. 57-71.

98. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. – Одесса, 1901. – 259 с.
99. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 303 с.
100. Население Крымской области по данным переписи населения. – Симферополь: Таврия, 1989. – 12 с.
101. Невяжский И.И. Природопользование как наука и место этносоциальных хозяйственных систем в ней // Вестник МГУ, сер. геогр. – 1994. № 3. – С. 24-30.
102. Николаев Е.В. Крым – житница или здравница? // Вопросы развития Крыма. – 1995. – Вып. 1. – С. 13-24.
103. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии. – 1995. №5. – С. 48-59.
104. Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия / Отв. ред. М.П. Ким – М.: Наука, 1981. – 344 с.
105. Пермякова М.Г. Географический анализ процесса хозяйственного освоения Крымской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Симферополь, 1990. – 25 с.
106. Пиоро И.С. Крымская Готия. Очерки этнической истории Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. – К.: Наукова думка, 1990. – 195 с.
107. Преображенский В.С., Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Природопользование как расширяющаяся сфера социально-экономической деятельности и задачи географической науки // В сб. Методологические аспекты современной конструктивной географии. – М.: ИГ АН СССР, 1985. – С. 16-28.
108. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Природопользование в системе географических исследований / В сб. География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л.: Наука, 1987. – С. 117-131.
109. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой (пер. с англ. Ю.А. Данилова). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
110. Прохоров Н.И. Краткий педагогический очерк Феодосийских гор // Труды опытных лесничеств. – 1904. Вып. 2. – С. 27-35.
111. Пуляркин В.А. Умеренный консерватизм - основа жизнеспособности традиционного сельского хозяйства // Известия РАН, сер. географ. – 2003. №2. – С. 43-48.
112. Пуляркин В.А., Аксенова Л.А. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве и современные тенденции в географии агропроизводства // Известия РАН, сер. географ. – 1997. №5. – С. 7-15.
113. Резниченко Г.А. Городское население Крыма 1920-х годов: численность, национальный состав, материальное положение // Культура народов Причерноморья. – 2001. №17. – С. 213-218.
114. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
115. Рунова Т.Г., Волкова И.Н., Нефедова Т.Г. Территориальная организация природопользования. – М.: Наука, 1993. – 208 с.

116. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.
117. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. – 1946. Сб.1. – С.97-106.
118. Секеринский С.А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма в конце XVIII – начале XX вв: Автореф. дис. ... док. истор. наук. – Львов, 1974. – 34 с.
119. Статистический ежегодник АР Крым. – Симферополь, 2000. – 420 с.
120. Степин В.С. Новые ориентиры цивилизации // Экология и жизнь. – 2000. №4. – С. 12-35.
121. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
122. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории земледелия в Крыму. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 247 с.
123. Тарасенко В.С., Хмара А.Я. Экологические аспекты горного производства в Крыму // Вопросы развития Крыма. – 1995. Вып. 1. – С. 34-41.
124. Тикунов В.С. Моделирование в картографии. Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 405 с.
125. Усов А.С. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края // Крым. – 1928. №1. – С. 3-75.
126. Тоффлер Э. Третья волна. — М: АСТ, 2004. — 781 с.
127. Флиер А.Я. Культурогенез. – М.: Российский ин-т культурологии, 1995. – 115 с.
128. Фоменко Г.А. Политика устойчивого развития и особенности географических исследований // Известия РАН, сер. географ. – 1997. №4. – С. 8-18.
129. Шиббаева Е.Ю. Историко-географический и экологический аспект формирования хозяйственно-культурных групп крымских татар к началу XX века // Крым: проблемы истории. – 1997. Вып. 2. – С. 11-13.
130. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Соч. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. – М.: 1961.
131. Этнология: Учебное пособие / А.П. Садохин – М.: НИЦ ИНФРА, 2015. – 352 с.
132. Ямсков А.Н. Традиционное скотоводство и природная среда: культурно-экологические аспекты взаимодействия / В сб. Этническая экология. Теория и практика / Отв. ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. – М.: Наука, 1991. – С. 287-303.
133. Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта / В сб. Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования / Под ред. В.Н. Калущкова, Т.М. Красовской, А.Н. Ямскова – М.: Изд-во МГУ, 2003.
134. Bennett J.W. The ecological transition: Cultural anthropology and human adaptation. – N. Y., 1976. – 210 p.
135. Spiro M.E. Culture and Human Nature. Theoretical Papers. – Chicago: The Univ. of Chicago Pr., 1987. – 26 p.
136. Steward J.H. Theory of culture change. – Urbana: University of Illinois Press, 1955.

Научное издание

БЕРЕЗКИН Михаил Юрьевич

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА ПРИМЕРЕ КРЫМА**

Подписано в печать 10.01.2020 г.
Формат 60x84/16. 4,0 печ. л. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.
Издательский дом «Энергия»
125009, г. Москва, Дегтярный пер., д.9.
Тел. +7(475)229-4241 доб. 224